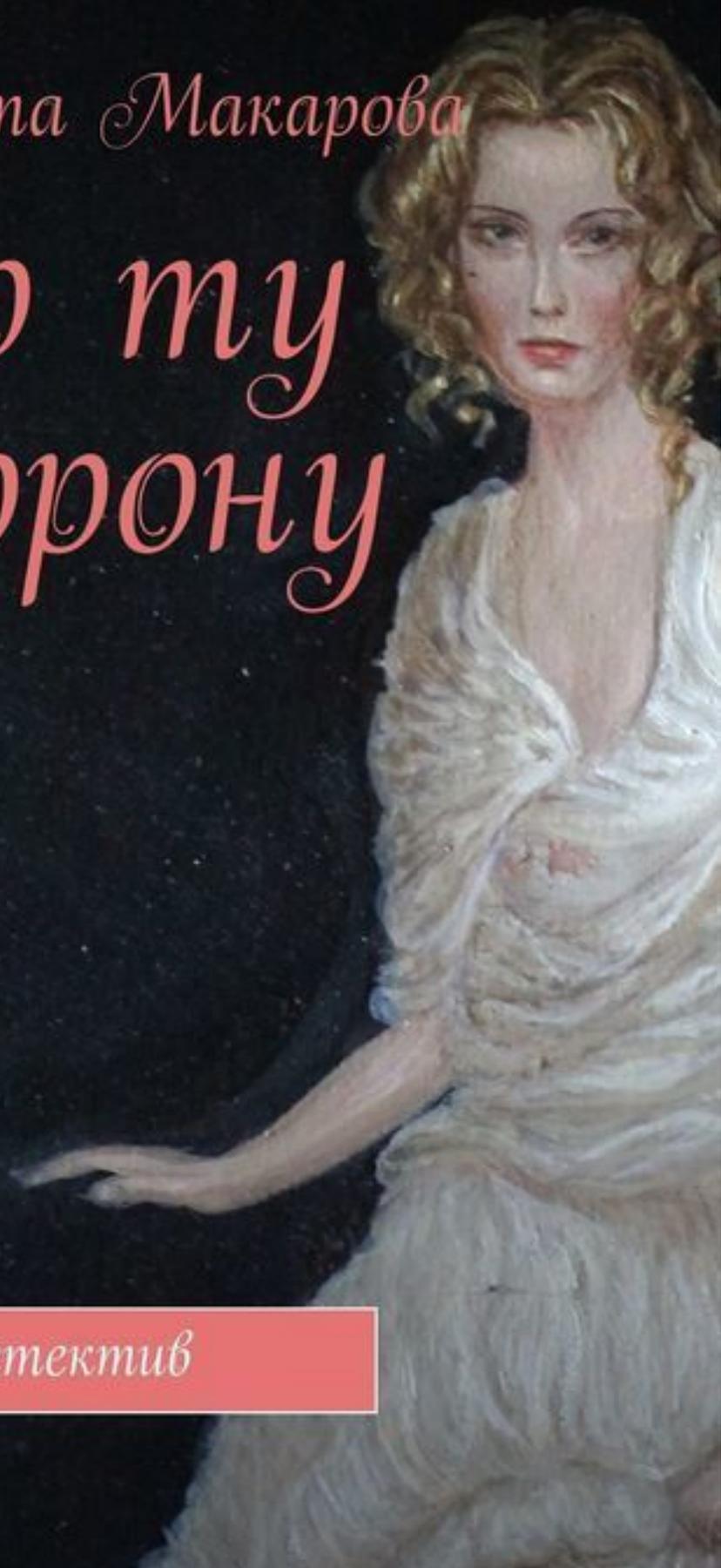

Маргарита Макарова

*По ту
сторону*

Детектив

Маргарита Макарова
По ту сторону. Детектив

«Издательские решения»

Макарова М. И.

По ту сторону. Детектив / М. И. Макарова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743666-7

Главная героиня попадает в лапы подпольных кинематографистов, снимающих снаф-порно. Чудом ей удается вырваться от бандитов живой. Она обращается в полицию, но убедительных доказательств случившегося у нее нет. Героиня начинает собственное расследование, но противник, похоже, умнее, чем она сама. Все трудно, замыслы оборачиваются провалами, хитрые ловушки срабатывают в обратную сторону. Все оказывается не тем, не так и не поэтому. Казалось, ниже нельзя сидеть в дыре. И тем не менее...

ISBN 978-5-44-743666-7

© Макарова М. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	38
Глава 8	46
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

По ту сторону Детектив

Маргарита Ивановна Макарова

© Маргарита Ивановна Макарова, 2017

ISBN 978-5-4474-3666-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Арсений колдовал над компьютером. Тонкая полоска щетины обрамляла лицо снизу, сходясь к губам тремя узкими линиями легкой небритости. Красивые глаза Володина смотрели на экран. Полумрак комнаты создавал настроение созерцательности и творческого поиска. К компьютеру была подсоединена камера, и на экране мелькали отснятые вчера кадры. Блондин морщился. Камера не хотела выдавать на диск больше того, что было сделано для очередного, богатого заказчика. Трое обнаженных мужчин на экране поигрывали бицепсами. Черные маски делали их безликими. Девушка очнулась в их руках и тут же получила удар по лицу. Она вскрикнула и попыталась вырваться. Трое бруталов радостно заржали. Стоящий прямо перед ней, легким ударом усадил ее на стул. Второй положил ей руки на плечи. Без суеты и без спешки третий достал ножик. Камера наезжает, и лицо, залитое слезами, занимает весь экран. Голубые глаза, светлые русые волосы, пухлые, почти детские губы.

– Отпустите меня! – девушка попыталась встать.

– Удачный кадр, – вслух сказал Арсений и потер руки. – Жаль, нельзя будет в институте показать. Хотя...

Парень в маске поднял руку девушки и провел небольшим ножиком поперек длинной черной водолазки. Камера показывает это крупно, детально. Видно, как из пореза сочится кровь, как намокает ткань, становясь более темной. И снова лицо девушки.

– Да, великолепно! – снова бросает реплику Арсений. – такое сыграть невозможно!

– А! Отпустите! Мне больно! Что вам нужно?!

Не говоря ни слова, парень сделал очередной надрез.

– На черной одежде плохо видна кровь, – голос Арсения за кадром снова нарушил течение сюжета.

– Как что? Мы делаем тебе модный прикид. А то ходишь как чувиха.

Парень продолжал наносить порезы.

– Может разденем ее? – обернулся к камере он, придерживая девушку за плечи.

– Рано, – раздался голос из глубины. – Нам надо часа на два протянуть. Заказчик сказал – не меньше двух часов.

– Вот черт, – выругался красавчик за компьютером, – Свой голос засветил. Придется... Хотя... чего вырезать-то, мало насняли...

Он отодвинулся от экрана – так лучше воспринималась композиция кадра.

Порезанные руки девушки опущены, они безвольными плетями повисают вдоль тела.

– Ну вот и умница, – с явным южным акцентом говорит стоящий перед ней громила. – Давно пора смириться со своей участью. Тебя любит очень богатый мужчина. Хочет тебя. Даже фильм заказал.

– Хватит трепаться, дай ей соску, чтоб поняла, как сильно ее любят, – стоящий сзади положил руки девушке на горло и сильно сдавил шею. – Делай, красавица, что говорят, а потом пойдешь домой.

Он отпустил ее шею и надавил на затылок. Голова наклонилась, и волосы упали на щеки, рассыпавшись по плечам.

– Закрыли волосами все, – голос Арсения заунывно отмечал недостатки за кадром, плавно и нараспев, отчужденно и технично.

– Сейчас, дорогой, – гоготнул южный акцент и, собрав девичьи волосы одной рукой, другой направил свой стоящий член прямо ей в лицо.

Она сделала движение в сторону, и тут же получила удар в спину. Кулак воткнулся ей в позвоночник как нож, и она уткнулась лицом прямо в пах стоящего перед ней бандита.

– Соси, – последовала короткая команда. – Соси, а то мы тебе туда другое засунем.
– Эклер, – заржала задница, чей кулак упирался девчонке в спину.

Загорелые, блестящие мужские тела замерли в ожидании ответного движения. Камера опять подъехала вплотную, чтобы дать детальный крупный план.

Испуганные, заплаканные, голубые глаза смотрели прямо перед собой на мужские гениталии, эрегированные и покачивающиеся перед ее губами.

– Давай, красотка, – камера пододвинулась еще ближе, теперь на экране были видны только губы девушки и головка пениса.

Мгновение повисло в воздухе, как перевернутый экзаменационный билет в руках у студента-горемыки. Девчонка открыла рот и плавно всосала губами член. Все облегченно вздохнули. Даже камера разочарованно дернулась. Объектив стал удаляться, чтобы показать всю группу целиком. И тут южный акцент заорал.

– Аааааааа! Хабут, бит одул, тя ахарвала... – заорал черноволосый на своем непонятном языке.

Голова девушки резко рванулась и оторвалась от мужского паха.

– Что случилось Ахмед? Ты чего орешь? – два других блестящих тела недоуменно посмотрели на сослуживца.

И тут только они заметили, что у него фонтаном бьет кровь. На том месте, где был член, сочился огрызок. Сам Ахмед, пытаясь остановить кровь, схватился двумя руками за рану. Не в силах справиться с болью и собой, он орал благим матом на всех языках, которые знал.

– Кяг уюрг! – начал уже шипеть он, сжав зубы.

На девушку посыпались удары. Маленький ножик замелькал в воздухе.

– Хэй, ребята, поосторожнее! Камеру заденете! Мне ее завтра на Ботаническую везти! – голос Арсения тоже стал нервным и напряженным.

– Да что происходит?! – Арсений уже почти кричал. – Отойдите от объекта, мне ничего не видно! Я не ваши голые зады сюда снимать пришел! Заказчик за это не заплатит!

За криками ребят почти не слышно было голоса девушки. Только взмахи мужских рук предполагали удары. Время от времени зловеще мелькал маленький ножик.

– Вот он, все, поехали в больницу, – Ахмед наклонился и что-то поднял с пола.

– Да отойдите вы все, камера слепая, что снимаем? Кто будет платить за это? Что с девкой сделали? – оператор и камера увидели, наконец, что происходит за спинами голых мужчин.

Девушка лежала на полу. Кровь залила ее лицо.

– Она член Ахмеду откусила, – раздался вдруг женский голос. В объектив попала белокурая Настя. Прямые, длинные волосы свисали ровно вдоль круглых щек. – Его в больницу надо.

Это были последние кадры того, что удалось вчера заснять. Забулькал телефонный звонок. Но даже это тихое переливчатое звучание раздражало Арсения. Он чертыхнулся.

– Алло. Да, шеф. Отсняли двадцать минут. Ахмеду она член откусила, и ребята его в больницу повезли. Да, да... Я понимаю, что надо сдавать. Но... Вряд ли что-то можно еще снять, – он замолчал, выслушивая замечания шефа. Мягкие, пухлые губы капризно скривились. Голубые льдинки глаз сузились. – Да нет, Ахмет тут не при чем. Девушки нет больше. Больше не сможем сделать ни одного кадра. Даже и без Ахмета. Ребята избili ее, – Арсений снова замолчал. На том конце трубки говорили громко. Он отодвинул от уха трубку, и его губы зашевелились. Он ругался, не произнося ни звука. – Практически убили, – схватил он трубку, услышав тишину. – Во всяком случае, снимать там было уже нечего. Нам с Настюхой пришлось ее убрать. Мы ее в речку сбросили... Ну уж я не знаю, поговорите с заказчиком, может он это возьмет, – на другом конце трубки его перебили. – Да нет, ее даже не раздели. Да и как избивали невидно толком, – его опять перебили. – Ну уж как могу, так и снимаю.

Да пусть другой объект выберет, девок что ль красивых мало на улице ходит. Если хочет, мы можем его повозить, и прям при нем объект взять. Как скажете, шеф. Так они не могли продолжать, шеф, в том то и дело, что если в течении часа не приехать в больницу, член уже никто не возьмется пришивать! – он засмеялся.

Арсений бросил трубку и остановил звук камеры. Там все еще раздавались крики и ругань, хотя изображения уже не было.

Глава 2

Сознание вернулось ко мне вместе с болью. Нестерпимо резкая, она внезапно полоснула по мозгу. Стон прозвучал гулко. Чувство было такое, что звук раздался со стороны. Я вздрогнула. Страх перекрыл все мысли. Хотелось открыть глаза. Посмотреть, что делается вокруг. Но именно это сделать я и не могла. На глазах была повязка. Недавние события замелькали в памяти как восстановленная кинохроника. Слепящий свет мощных ламп, уставленных на штативах, парни в масках, обнаженные, в кожаных полуперчатках и поясах, моя кровь, покрасившая их тела. Нож, маленький, с зубчатым лезвием, с эффектом пилы, чтоб резал неглубоко, а только пускал кровь. Раны на руках, наносимые методично, порез за порезом, как насечки на березе, от ладони к плечу, с внешней стороны руки. Огромный член, который запихивали мне в рот, ругаясь и избивая. Голос с акцентом, ругань, крики, вкус крови на губах, страшное ощущение откусывания человеческого органа и мой рывок в сторону, звук падения откушенного члена – картинки сменяли одна другую, пеленая сознание страхом. Где я? Где бандиты? Последнее, что я помнила – черная вода речки.

Я пощупала лицо. Все было забинтовано. Плотный кокон марли закрывал половину головы. Как будто меня начали подготавливать к мумификации. Все болело. Но сильнее всего болел левый глаз.

– Ну вот и чудесно. Очнулась, деточка. Найденыш ты наш.

Голос был женский, низкий и ласковый. Старческий. С хрипотцой. Я пощупала холодные складки простыни... и запах. Это был больничный запах хлорированного белья. Запах стерильности и лекарств. Типичный запах медицинских учреждений.

– Где я? – попыталась произнести как можно громче, но голос изменил мне.

– Что, милая, что ты говоришь? Плохо я слышу на старости лет, – чувствовалось, что она подходит ближе. Ее слова почти коснулись меня движением воздуха.

– Это больница? – снова попыталась я выяснить свое местонахождение. Страх подступал к горлу, сушил язык.

– Да, милый, не волнуйся, больница это, мой хороший, больница. Нашли тебя у ворот, охрана подобрала. Без чувств ты была. Позову к тебе сестру сейчас. Кто ж тебя так отделал-то? – женщина не спрашивала, а причитала. – Горемыка ты наша, но повезло тебе побожески. Жива, счастливой будешь.

Я снова услышала какие-то звуки. Шуршание щетки по полу. Значит я в безопасности. Мне все-таки удалось убежать от этих ублюдков! Я попыталась приподняться на подушке. Колющая боль в левом глазу стала нестерпимой. Болела шея, ухо, щека. Провела двумя руками по телу. Повязки были наклеены почти везде. На животе, на бедре, на ногах несколько пластырей. Руки... Они тоже болели, но не так.

– Ну вот и славненько. Все хорошо. Сейчас сделаем перевязку и ты сможешь и посмотреть, и покушать. Искололи тебя, но не глубоко. Как новенькая будешь, немного шрамированная.

Это уже был новый голос. Медсестра, вспомнила я.

– Глаз не смогли тебе сохранить. Только один остался. Ну ничего. Стекланный поставим, от настоящего не отличить будет.

Так у меня нет глаза! Вот откуда эта боль. Я осталась без глаза! Волна безнадежности и бессилия распустила пружину, которая была туго закручена и заставляла меня крутиться и кататься, как капельку ртути на полу. Двадцать два года! До сих пор я была живчиком. Я была самой-самой! Я была первой в классе, я была смой красивой в школе, я была самой умной на курсе в институте. Я считала себя самой хитрой, самой сообразительной, самой проницательной. Всего добиться! Достичь денег и успеха, стать успешной! Переехать

в Москву, остаться здесь, выйти замуж и ездить на своих колесах. Я почти была у цели! Я раскопала даже дневники матери и нашла своего отца! Тайком! Без всякой помощи! И уже почти вышла замуж. Свадьба должна была быть через две недели! Алексей... Взрослый, состоявшийся мужчина. Сколько усилий я сделала, чтобы подладиться под него. Мысль о нем доставляла самую большую боль. Ему уж точно не нужна жена без глаза! Столько усилий! Да что усилий – все пошло коту под хвост! Жизнь и все что для меня было связано с ней – все рухнуло. Замуж – вычеркиваем. Кому приличному я нужна такая! Пробриться в люди – это тоже было накручено на замужество и красоту. Возвращаться в деревню к матери, к выгребной яме деревенского сортира – вот все, что мне оставалось. Отец. Да, надо ему позвонить. Он – моя последняя надежда остаться здесь, может работу мне найдет приличную и с квартирой поможет. Надежда слабая и иллюзорная. До сих пор он ничем мне не помог.

Сволочи! Ну почему именно мне все это?! А вдруг, они меня правда живой бы оставили? Почему я откусила ему член?

– Хочешь, я домой позвоню? У тебя тут родственники есть?

Руки ловко распаковывали мою голову. И снова запаковывали. Повязка осталась на одном глазу. Я почувствовала прикосновение чего-то мокрого. Медсестра промывала правый глаз. Раствор потек по щеке, попал в рот. Я облизнула мокрые губы. Никакого вкуса.

– Можешь открыть свой глазик.

Она снова провела по моему закрытому глазу, но в этот раз это была сухая и мягкая ткань. Она промокнула губы и щеку. Не хотелось ни шевелиться, ни открывать глаз, ни думать, ни вспоминать. Мягкие и уверенные руки взяли мое лицо за щеки и приподняли.

– Девочка, не бойся, открывай. Посмотрим на него.

Подчиняясь, я открыла правый глаз. И тут же закрыла его. Движение повторилось эхом в левом глазу, и боль, которая, казалось, не может быть сильнее – усилилась. Стон раздался в моей голове, и я снова удивилась, что звук отразился от стен.

– Надо открыть глазик. Больно? Ничего, ничего. Привыкай. Открывай, девочка. Еще раз. Ну...

Разомкнув ресницы, я замерла, пытаюсь сдержать дыхание и движение.

– Ну вот, умница. Молодец. Хорошая девочка. Теперь сможешь снова на все посмотреть. И покушать.

Еще бы сказала – посмотреть на все новыми глазами – подумала я, но промолчала. Красавица – алмаз, два зубы – один глаз, – вот когда начинаешь понимать детсадовские дразнилки. Передо мной сидела симпатичная, маленькая девушка. Ее лицо было круглое и очень молодое. Точеный нос был запросто вздернут вверх, зеленые глаза смотрели из маленьких, узких щелочек. Углы губ извивались бантиком, она улыбалась.

– Я – Надя. Если что-то хочешь, можешь сказать.

Она снова улыбнулась и встала. Когда она стояла, то с трудом доставала капельницу.

Я хотела заново родиться, но просить об этом Надю было бесполезно.

– Ну отдыхай. Ничего смертельного у тебя нет. Через пару недель, и даже раньше сможешь домой пойти.

Она как будто прочла мои мысли. А может, все думают одинаково, когда попадают в больницу. Когда я буду здоровым, когда не будет боли, когда у меня вырастет новый глаз. Я снова застонала. Каким богам нужно молиться, чтобы все забыть. Хочу новую память. Чтобы отмахнуть воспоминания, я посмотрела в окно. Все как всегда. Голубое небо, желтое солнце, зеленые листья. И до меня, и после меня. Я жива, но этому солнцу нет до этого никакого дела. Оно радостно светило бы и грело всех без разбора и после моей смерти. Это равнодушное солнце греет и тех бандитов и убийц, что мучили и уродовали меня. Не поддаваться воспоминаниям. Я стала рассматривать палату. Двое лежали под капельницами. Какие то приборы, проводки. Внизу, на полу валялась кровавая простыня. Я снова посмотрела в окно.

Видеть было значительно приятнее. Жизнь в полной темноте не давала возможности заблокировать память. Мозг перебирал и перебирал детали и события случившегося. Как четки, они двигались, одно, другое, деталь, лицо, удар, движение.

– Вот, принесла тебе кашки, поешь. Да, кашка тут хорошая, масло правда нет, но каша вкусная, хорошая.

Санитарка вошла в комнату с тарелкой и неторопливо подошла ко мне. Она постелила полотенце на одеяло и помогла мне подняться.

– Поешь, а то сутки провалялась без кусочка во рту. Вот тебе и хлебушек. Белый, мягкий. Попробуй, какой вкусный.

Она протянула к моему лицу кусочек белого хлеба. Худенькая, маленькая старушка смотрела на меня добрыми серыми глазами и улыбалась тонкими, бледными губами.

– Чувствуешь, запах какой? Необыкновенный хлеб, кусай, кусай. Еда – это жизнь.

Я открыла рот и откусила кусочек хлеба. Боль снова остро отозвалась в левом виске.

– Жевать больно! Ах ты бедолага. Ничего, я тебе как себе, сейчас корочку оборву. Я-то беззубая. Мне жевать нечем. Я себе корочку всегда снимаю. И тебе так сделаю.

Она выковыряла мякоть и снова поднесла белую пушистую выпечку к моим губам. Руки ее были худые, высохшие, ногти короткие. Жилы так вздулись, что делали их похожими на корни. Старческие россыпи веснушек доходили до самых кончиков тонких и хрупких пальцев. Хлеб смотрелся в таких пальцах очень аппетитно. Я сглотнула слюну, открыла рот и снова попыталась жевать. Боль сделала взлет на графике.

– Сейчас я тебе чая принесу. Тут кухонька рядом. Мигом чай будет.

Она встала и, громко шаркая, вышла из палаты. Я взяла в руку ложку и черпанула каши. Это была овсянка. Вкусно. Сладкая каша ничем не напоминала мне прошедшую жизнь и, уж тем более, все то, что привело меня в эту больничную палату.

Никогда не ела каш. Мама не готовила их в детстве. Оказавшись в Москве, я даже не смотрела на крупы, предпочитая фаст фуд, институтскую столовую, сосиски и булочки.

Нет, вру. Каши тоже были. В детском саду. Помню, мать все понять не могла, какую я прошу ее сварить.

– Мам, ну свари, белая, волнистая, ну свари, такая вкусная каша! – уговаривала я ее, возвращаясь из детского сада вечером.

И кипяченое молоко. Самое страшное мое воспоминание. Было. До сегодняшнего дня.

Ужас и нереальность произошедшего отодвинули прошлое в туманную сказочность небыли. Страх резанул по сердцу, заставив его стучать сильнее, так, что отдавалось в висках. Я застыла с ложкой у рта.

– Что, деточка, и кашу кушать больно? – санитарка так же прошамкала своими тапочками по пластиковому полу. В руках у нее был стакан с чаем. Она подошла ко мне и поставила его на тумбочку.

– Ничего, пройдет. К старости, знаешь сколько всего болит? Привыкаешь. Болит, значит еще живой. А так, без боли, жизнь летит незаметно.

Она улыбнулась. Эта странная женщина – мазохистка, – подумала я. Пододвинув стул к моей кровати, она села рядом, внимательно разглядывая мой живой глаз.

– На вот, сделай плоточек. Чай сладкий. Красавица ты. Ну не расстраивайся. Бог посылает тебе испытания, значит любит тебя.

Вот только бреда этого мне и не хватало. Ничего себе утешение придумала! Безглазая королева красоты! Шрамированная! Руки в поперечных шрамах! Вряд ли эти порезы заживут без следа.

– Зато жива, – ответила на мои мысли старушенция.

Она поднесла стакан к самому моему рту. Я глотнула. Вместе с горячей жидкостью по пищеводу побежала теплая надежда на жизнь. Иллюзия безопасности проникала в меня

вместе с ласковым голосом этой женщины, заботливыми руками медсестры, теплой сладкой кашей и ароматным чаем. Это было блаженство.

– А что же это у тебя за порезы на руках. Дорогуша, как насечки на березе, чтоб сок слить по весне. Кто же тебя так?

Голос санитарки вернул меня к реальности. Я резко отдернула руки и опрокинула кашу.

– Кто ж тебя так запугал. Как котенок с отрезанным хвостом. Ну молчи, молчи.

Она стала торопливо собирать постеленное полотенце, чтобы не дать каше запачкать белье.

Я спрятала руки под одеяло.

– Можно мне рубашку с длинными рукавами? – я опустила глаза и старалась не смотреть на добрую санитарку.

– Боишься. Принесу.

В этот раз она не была многословной, но меня удивило, что она тоже прочла мои мысли. Неужели они так элементарны, и все читается на моем одноглазом лице.

Шуршание ее шагов вернуло меня в палату. В руках у нее была рубашка и халат.

– На вот, твоё все выбросить хотели. Юбка, правда, почти целая осталась. А кофточка вся была порезана. Вот смотри.

В другой руке у нее оказался пакет. Она подала его мне. Я даже не сообразила, так быстро все произошло, что я делаю. В руках у меня оказалась черная кофточка. Рукава ее были все изрезаны, запекаясь кровь делала ее жесткой. Юбка была почти целая. Белье тоже. На мгновение я застыла с грязными тряпками в руках. Мельчайшие подробности ярко и отчетливо встали передо мной. Как говорят в таких случаях, перед моим мысленным одноглазым взором прокрутилось все с самого начала. Надо было что-то делать. Но что?

– Спасибо вам, я зашью, – я сунула свою одежду в мешок и бросила пакет рядом с кроватью.

– Деточка, я постираю. Хочешь, помогу зашить. Ты в этом хочешь уходить отсюда?

– Да, я зашью, сейчас так модно, – прошептала я. – Это ничего, ничего.

Я с трудом сдерживала слезы. Плакать одним глазом – это уже не смешно. Санитарка взяла пакет и снова зашаркала из палаты. Я опять осталась наедине с двумя молчаливыми сопалатниками и их капельницами.

– Здравствуйте, – в дверях показался щуплый и невысокий мужчина. – Следователь Потапенко. Сергей Леонидович.

Он проговорил это еще в двери и лишь потом подошел к кровати. Круглые очки в черной оправе висели на его курносом носе.

– Рассказывайте, что произошло. Список ранений мне уже передали.

Уютно устроившись на кровати, Потапенко достал блокнот и приготовился записывать.

– Я не знаю, – пробормотала я. – Они были в масках. Помню только, подошли у дома.

– Что, по улице в масках ходили? – недоверчиво уставился на меня сквозь очки маленький человечек.

Я остановилась и посмотрела на него. Жуткая мысль, что я зря начала рассказывать все этому чужому службисту, вдруг отчетливо обнажила безнадежность моего положения.

– Нет, на улице они не были в масках, – продолжила все же я. – Они что-то вкололи мне. А потом били, когда я очнулась. У них там камера была, они на пленку все записывали, понимаете? Они снимали фильм. Я так думаю, это снафпорно.

Меня прорвало. Я старалась как можно быстрее и полнее рассказать все, что со мной произошло.

– У какого дома? Адрес свой назовите, пожалуйста.

– Не совсем у дома, у метро. А потом стали резать мне руки. Вот, видите? Я протянула ему руки и подняла рукава больничной рубашки. – Видите? Чтоб кровь пустить, а потом он мне свой член в лицо сунул, И я его откусила.

– Да погодите вы, я ничего не понимаю, – Потапенко дотронулся до моей руки. – Давайте по порядку. Лучше будет, если вы будете отвечать на мои вопросы. Насколько я знаю, изнасилованы вы не были, – проговорил он недоверчиво, уткнувшись в свой листок. – Даже раздеты.

Я замолчала и уставилась на него. Что может сделать милиция? Эти бандиты вряд ли оставляют следы для таких вот щуплых и неторопливых следователей. Кажется, он даже не хочет услышать то, что я говорю.

– Что произошло после того... погодите-ка, погодите-ка... Вы говорите, что откусили ему член?

Потапенко смотрел на меня во все глаза. Его губы стали расплываться в улыбке.

– Вы мне не верите?

– Вы употребляете наркотики?

– О чем тогда говорить! Зачем вы тогда спрашиваете, если не верите мне? – мне казалось я начала орать, но услышала лишь шипящие звуки, вырывающиеся из моих окровавленных и запекшихся губ.

– Может, я сама себе выбила глаз и потыкала ножичком во все части тела?

– Все раны у вас не смертельны. Врачи сказали, что такое чувство, что кто-то просто наносил вам порезы для мазохистских упражнений. Только чтобы кровь пустить.

– И выбили глаз? – я снова стала говорить спокойно, и голос вернулся ко мне. – Как легко говорить о чувствах, когда они не твои.

– Так, ладно. Как вы оказались здесь?

– Они сбросили меня в речку. Тут недалеко.

– Как сбросили? С моста? – Потапенко завис с ручкой над блокнотом.

– Нет, под мостом. Заехали под мост и сунули меня в воду.

– Почему же они не убили вас?

– Они думали, я уже мертвая. Или решили, что я утону.

– А вы не утонули?

– Как видите. У меня разряд по плаванию.

– И сами дошли до больницы?

– Да, я поплыла к мосту, и вышла. Они не могли меня уже видеть за поворотом и мостом. А тут, я знала, есть заводская больница.

– Откуда вы знали, что тут есть заводская больница?

– Черт возьми! – закричала я снова, и мой голос снова пропал. – Я тут комнату снимаю. Через железную дорогу, прямо напротив метро, – все это начинало меня уже злить.

– Ваше имя и место рождения? Адрес. Адрес в Москве.

– Марина Гринкович. Родилась в Белоруссии. Поселок Негорелое. Под Минском. Снимаю квартиру. Проезд Стратонавтов, дом 13.

Я тут же пожалела, что назвала ему свое настоящее имя и адрес в Москве. Он ничего не сможет сделать, и уж тем более не сможет защитить меня от этих убийц. Лучше было бы исчезнуть, как будто я умерла.

Он аккуратно записал все в блокнот.

– А теперь спокойно все мне расскажите. Они подошли к вам у метро? Кто – они?

Я вздохнула. Теперь уже все равно. Расскажу ему все.

– Девушка. Я разговаривала по телефону. И вдруг кто-то уколол меня. Я почувствовала укол в плечо и обернулась. Рядом со мной стояла девушка и улыбалась. Она подхватила меня

под руку и стала что-то говорить. Взяла у меня из рук мобильник. Дальше я помню смутно. Помню машину скорой помощи. Меня туда затащили.

– Кто? Девушка вас туда затащила?

– Девушку помню отчетливо. Но с другой стороны был парень. Его я уже почти не помню. Очень плохо.

– Хорошо, что было дальше?

– Очнулась я в комнате. Горели прожектора. Они будили меня ударами по лицу. Я видела камеру. Она работала.

– Откуда вы знаете, что она работала?

– Там лампочка есть такая. Видно, когда работает. Да что вы меня за ребенка держите?! – снова сорвалась я. – Там оператор стоял! Он еще орал, что ему завтра камеру на Ботаническую отвозить! Трое в масках и кожаных ремнях стояли предо мной. Один стал мне вот эти порезы делать. Резал и резал.

– Зачем он наносил вам эти поверхностные порезы? – Потапенко скептически посмотрел на меня. Видно было, что он не верит ни одному моему слову. Его недоверие разозлило меня не на шутку. Теперь, когда не нужно было притворяться и ловчить, когда не нужно было подделываться под чужое мнение и оценку, я, наконец, могла говорить правду, говорить то, что думаю, без оглядки на профессора, жениха, мать, квартирную хозяйку. Его дело – верить и что-то делать, или ухмыляться и бездействовать.

– Спросите у них, когда найдете. Хотя, сомневаюсь, что с таким отношением к людям и делу у вас что-то получится! – голос вернулся ко мне, и я закричала это на всю палату. – Откуда я знаю? Может у них сценарий такой. Парень за камерой сказал что-то о трех часах, вроде. Потом другой, с акцентом, сунул мне член в лицо и сказал, чтобы я сосала.

– Погодите, погодите... Чем они наносили эти порезы?

– У них был ножик. Знаете, такой маленький, для кухни, с зазубренным лезвием.

– Значит... сначала они не били вас, а только резали?

– Только... Это вы хорошее слово выбрали. Да. Только резали.

– Хорошо. Что было дальше?

– Дальше, я же говорю, я откусила и с силой рванула его пенис. Там только клочок кожи остался.

– Да ладно вам, – Потапенко замер. Ручка его застыла в воздухе.

– Рассказывать дальше, или с врачами сходите проконсультируетесь?

– Рассказывайте.

– Они стали меня бить. И тыкать этим ножиком. Потом завопили, что в больницу надо бежать. Я слышала, как они сказали, – прикончите ее и выбросите. Парни убежали. Девушка и оператор затащили меня в машину. Тут я потеряла сознание. А когда очнулась, то была уже в воде.

– Вы же говорили, что помните, как они сунули вас в речку под мостом, – Потапенко опять укоризненно направил на меня свою ручку.

– Ну да, мы были под мостом. Вода-то холодная. Я сразу в себя и пришла, как они меня в воду положили. Но не стала шевелиться. Я же хорошо плаваю.

– И они дали вам спокойненько уплыть?! – следователь совсем отложил свой блокнот в сторону.

– Там же темно было. Они меня палками потолкали. Я нырнула, а потом выплыла в кустах. Ну, в траве. Я видела, как они постояли немного, а потом сели в машину. Но наверху, вы видели мост? Они оттуда могли смотреть. Поэтому я не стала выбираться. А тихо поплыла подальше. От дороги подальше. И выбралась на запретной зоне. Они туда не могли бы зайти. От канала и шлюзов – тут есть запретная зона. А больница уже в двух шагах была. Я только по холму поднялась.

Я замолчала. Следователь усердно писал мои слова. Мой глаз устал смотреть, и я закрыла его. Как жаль, что нельзя подключить другого к мозгу и показать ему все, что ты видела, и что пришлось пережить. Если б он почувствовал мою боль, он не стал бы сомневаться в моих словах, а тут же отправился бы... А куда бы он отправился бы?

– Как вам удалось так сразу понять, где именно вы находитесь? – Потапенко даже глаза под очками прищурил.

– Я и определила не сразу, и потом, когда поняла, что я выпущена одна, а не к крокодилам, – попыталась я пошутить, но у меня плохо получилось.

– Где все это находилось? Ну, место... где вас мучили... где оно находилось? Вы можете дать какую-нибудь привязку к местности?

Похоже, что он тоже читает мои мысли.

– Нет... Вы же понимаете, что я была без сознания и по дороге сюда и по дороге туда. Но... судя по интерьеру – это была дача.

– Почему вы так решили?

– Не могу сейчас сказать. В лицо мне светили прожектора. Это мое ощущение. Надо подумать, почему.

– Что за прожектора?

– Ну я же говорю, что стояла камера. Вокруг стояли светильники. Знаете, такие кинематографические. Ватт по 500.

Следователь вдруг встал. Я схватила его за руку. У него вылетел блокнот и, зашуршав, упал на пол.

– Вы защитите меня? – мой глаз от напряжения заслезился. Острое ощущение опасности навалилось на меня вдруг, задавив и засыпав толстым слоем мысли о бессмысленности моего дальнейшего существования в качестве красотки-инвалида.

– От кого?

– Как вы не понимаете. Если они узнают, что я жива, они придут добить меня.

– Вы все равно ничего не видели.

Следователь наклонился и стал искать свой блокнот на полу.

– Послушайте, вы успокойтесь, отдохните. Я приду через пару дней. Может, вы вспомните что-то еще. И тогда обо всем договоримся.

Он пошел к двери. Было совершенно очевидно, что тут мне не помогут. Но ощущение безнадежности и конченности жизни почему-то исчезло. Поддавшись порыву, я делала и говорила то, что хотела, я была самой собой впервые в жизни, не скрывая своих чувств и страхов, своих оценок и ощущений. Что ж, возможно это и сможет стать новым ключиком, что заведет спираль моего движения.

Глава 3

Марины не было. Ересин звонил ей несколько дней подряд. Скоро выходные. Алексей собирался поехать в охотничий домик, провести спокойные два дня без телефонных звонков, без разговоров с друзьями и по делу, без телевизора. Так повелось уже давно. Каждую пятницу, в ночь, – хоть чучелом, хоть тушкой, – он ехал в лес, на водоем, к костру... Чем ближе подходили выходные, тем отчетливее проступала привычка. Прочь, прочь из города – пульсировало у него в голове, – подальше отсюда и... забыться, лежать и смотреть на звезды, на огонь... Утром, в пятницу он начинал говорить о душе. К этому привыкли его родные.

– Гонка сплошная, – жаловался он с 8 утра. – Примечательно ведь что, – нет времени о душе подумать!

О!!! Хочу водки, – мечтал он уже в середине дня. – Много... Потом опохмел неправильный... и 3 дня провисеть...

– Бабуль, я завезу к тебе Мартына?

– С ума сошел? – слышался на том конце дребезжащий голос. – Зачем мне мяукающее и орущее зверье дома?

– Бабуль, ты же знаешь, как я тебя люблю... Бабуль, он лапку повредил. Я к тебе его от скотского хирурга привезу. Попрошу, чтобы дал для вас обоих успокаивающее...

С шутками и прибаутками он шел по жизни легко, играючи.

Надо чисто забыться, кто я, и что я... – стучало в голове.

– Лучше сразу яду, – ворчала бабушка, прерывая его мысленные планы на предстоящие два дня. – Он мне тут все стены обдерет. И не проси, внучок, не проси. Говорила я тебе – женись. Будет кому кота на выходные оставлять.

– Бабуль, – ты единственная моя женщина. Мой кот – только цветочки жрет.

– Рассказывай мне сказки, а лапу где он свою повредил?

– Он горшок с цветком разбил.

– А горшок из венецианского стекла был?

– Какая ты догадливая! Да не волнуйся, ба, я его так накормлю таблетками, – спать будет три дня и три ночи, как Алеша Попович.

– Матери вези.

Иногда надо уходить от действительности, – думал Алексей.

Бабушка, конечно, возьмет кота, но куда делась Марина? Как все по-дурацки сегодня, кот поранил лапу, девушка исчезла.

– Может, это и к лучшему, я смогу обидеться и отменить свадьбу.

– Детей пора заводить, – снова завела свое бабушка.

– Баааа, – протянул Ересин, – Ну зачем тебе столько шизокрылых ангелов? А мне так не хватает любви и ласки.

– Кота не возьму, – отрезала бабушка и положила трубку.

Два дня прошли так, как и было запланировано. Он съездил туда. Посидел с удочкой. Выпил коньяка. Развел вечером костер, пожарил рыбу. Но все это было теперь не то. Беспокойство незаметно овладело им. Скромная, простая девушка из-под Минска, красивая и без заморочек, студентка-биолог, заняла нишу в его голове, его мыслях, его планах на будущее. Ох уж эти планы на будущее. Он собирался познакомить ее с родителями. Бабушка уже проела ему лысину с нелепым вопросом – не голубой ли он. Куда же она могла деться, даже не предупредив и не позвонив.

Ересин сидел около костра и смотрел на огонь. Меняющиеся языки пламени и струящаяся вода успокаивали и отвлекали. Телевизионное мерцание картинок тоже развлекало, но Ересин не любил телевизор. Он считал его развлечением для обывателей.

Обыватели. Как они его раздражали. Он передернул плечами.

Марина была другой. Хотя... Это было не важно... Она могла терпеть его плохое настроение и никогда не жаловалась на отсутствие внимания, на его молчание, или, что еще больше раздражало его в женщинах, никогда не трещала что-то свое ему на ухо, не лепетала всякую чушь и не требовала ответа на дурацкие женские вопросы. Она не выговаривала его за долгое отсутствие, или не сделанный звонок. Он появлялся, и она была рада. Без упреков, без сцен. Он подбросил в огонь веток. Выходные пропали. Да нет! Не могла она уйти просто так, после того, как он предложил пожениться. В конце концов, она сама хотела этого. Как, впрочем, и все женщины.

– Черт возьми! Я ее выигрышный билет, – подумал он. – Может к подруге поехала? Ерунда, не стоит даже думать об этом. Но почему недоступен и мобильник? Надо ехать и искать ее. Что-то случилось, и это, как ни крути, реальность.

Глава 4

– Ничего, это дело привычки, – врач поворачивала меня во все стороны. – Хороший глазик, даже сразу и не поймешь, что такое.

Мне было непривычно. Непривычен был узкий ракурс видения мира. Все, что было слева, я больше не видела. И очень болела голова. Голова болела от напряжения, от желания объять то, что стало для меня теперь уже необъятным.

Докторша улыбалась.

– Только не плачьте. Глаз вам хороший сделали. А ты и так красавица, – перешла она внезапно на ты. – Тебя маленький изъян будет только...

Она запнулась, подыскивая слово.

– Изюминка, – подсказала я. – Стекланный глаз будет изюминкой.

Я попыталась засмеяться. Она настороженно посмотрела на меня. Потом села и стала что-то писать в компьютерном окне.

– Дать вам успокоительного? – она оторвалась от клавиатуры.

Похоже, тут все читали мои мысли.

– Доктор, меня совершенно не волнует, сколько у меня глаз. Один вопрос, сколько в больнице пробудет человек с откушенным членом?

– Слышала твою историю, – рассмеялась женщина. – Ну столько же, сколько и ты, а может, и меньше. Да чего его держать, сразу выпишут, кровь остановят и выпишут.

– А куда таких возят обычно? – не отступала я.

– Обычно в склиф. А тебе надо своим делом заниматься, а не ловить бандитов. К тебе следователь приходил?

– Не по зубам ему мое дело. Самой придется их искать. Да и не поверил он мне.

– Оно и видно. Ты хоть поняла, что ты сказала-то? Не поверил он... Не в церкви... Его дело разбираться, проверять и находить, – она дала мне таблетку. – На вот, выпей и поспи немного.

Я вышла от врача, держа успокоительное в кулаке.

– Ну уж нет, рано мне спать, – подумала я и осмотрелась.

В коридоре не было никого. Удача. Спустившись вниз, я зашла в комнату приема больных. Машина скорой помощи стояла у входа. Двери были распахнуты. На каталке туда завозили какого-то полураздетого мужчину. Его голое огромное пузо горой возвышалось над всем остальным.

– Мне бы к склифу подъехать. На полминутки... – жалобно подъехала я к врачу, стоящему у каталки с бумагами направления.

– Ну... еще что скажешь? – женщина даже не подняла головы.

– Понимаете, доктор, мне очень туда надо... только одну вещь выяснить, – канючила я.

– Вот врать только не напрягайся. Тут все твою историю знают.

– Раз так, то сами понимаете, он уйдет – все потеряно. Мне очень надо убедиться. Я смогу, наверное, даже узнать его, – я замолчала на секунду, прикинув, что придумывать тут не нужно. – Даже в штанах... если он будет.

Врач, не подняв головы, и не улыбнувшись моим словам, как будто не осознав, о чем я говорю, вдруг деловито и тихо захлопнула папку с бумагами.

– Ладно, прыгай в машину. Только от меня ни на шаг, – она повернулась к выходу.

Ни на шаг. Скажет тоже. Сама пропала вместе с больным как только мы доехали до места. Нужно было действовать быстро. Как была, в халатике и рубашке, я вошла в вестибюль.

– Девушка, мне брата нужно найти. Ахмед его зовут. Ему подружка член откусила. Неделю назад... посмотрите... его неделю назад друзья привезли.

Девушка в регистрации даже не шевельнулась.

– Мадам, я вас очень прошу. Я сама из больницы сбежала, чтобы найти его и узнать, как у него дела. Ради бога, ну что вам стоит, посмотрите, в какой он палате. Мне очень нужно его повидать.

Девушка зашевелилась и открыла альбом регистрации. Потом так же медленно подняла на меня глаза.

– Фамилия у брата есть?

– Девушка, умоляю, у вас что тут полбольницы с откушенным членом? Он, небось, и имени-то своего не сказал, не то что фамилии.

Я попыталась заглянуть к ней в журнал. Внезапно ее глаза приобрели осмысленное выражение. Она смотрела мимо меня, куда-то дальше и в сторону. Громко рассмеявшись, она захлопнула журнал и отодвинула его в сторону. Я испуганно посмотрела на нее. Она перевела на меня глаза.

– Да вон ваш Ахмед стоит. Идите, встречайте. Выписывается он. Только драку тут не устраивай. Наружу выйди и там делай с ним... что хочешь...

Я обернулась и посмотрела в ту сторону, куда указала девушка. Там стоял он. Не могу сказать, что я узнала его, или почувствовала по запаху. Но это был точно он. По манере двигаться, по тому, как он наклонился, чтобы взять свою медицинскую карту. Последних слов дежурной сестры я уже не слышала: я бежала к Ахмеду.

– Домой собрался? – для надежности я схватила его за пояс джинсов.

«Откуда у него тут джинсы? Он же вряд ли смог бы их надеть тогда, – мелькнуло у меня в голове. – Наверное, с собой взял в пакетике, – я тут же одернула себя. – Какие дурацкие мысли лезут в голову в самые ответственные минуты».

Он обернулся... Посмотрел на меня... Это был обычный представитель южных цивилизаций бывшего союза. Обросшее лицо его было грубо отесано и мало чем отличалось от лиц смуглых национальностей. Возможно, объективно, это было и не так, но субъект не может быть объективным, а для меня все они были на одно лицо.

Мгновение он смотрел на меня молча, без всякой реакции. Потом глаза его стали расширяться. Огромные и черные – они стали круглыми. Внезапный страх заморозил меня, сменив решительность к сопротивлению и желание докопаться до правды – ужасом перед неизвестностью, жестокостью и болью.

– Тя ахар вала, кяг уюрг. Тебя тут добить? Иль до дома проводишь? – он обрел способность говорить. Удивление прошло.

– А ты домой собрался? Думаю, провожать тебя туда мне нет необходимости. Наверняка тебя там уже ждут с тортиком в морду.

– Ментов навела?

– Свои добьют. На кой ты им? Ты же все о них знаешь, и, при этом, ни к чему больше не годен. У тебя ведь теперь там, – кивнула я на его джинсы. – Только чтобы пописать...

Он поднял руку. Зубы скрежетнули челюсть по челюсти. Но он сумел сдержаться, и рука застыла в воздухе. Кругом были люди, в том числе охрана. Девушка из регистрации не спускала с нас глаз.

– Чего ты хочешь?

– Я тебе сделку предлагаю.

Ахмед рассмеялся.

– Тебя почти нет. Я позвоню ребятам, и они тебя вытащат из любой норы.

– Так же, как и тебя. Сам-то подумай, что с тобой сделают твои ребятки. Когда выяснится, что я живая... Ты – высвеченная ниточка к ним, что выведет милицию быстро и точно,

как нить Ариадны, – я почти шипела ему в шею, выше я не дотягивалась. Бессильная злоба на тупость и несообразительность этого парня захлестывала меня и заставляла тоже стиснуть зубы. – Я только из больницы домой приду, и тебе конец. А может, и так тебя убьют: зачем им отработанный материал. А ты ведь как раз в эту категорию укладываешься, – в горле у меня пересохло от волнения и горечи. Надежда, что он поймет наши обстоятельства улетучивалась. Нетерпение подыскивало слова. – У меня собака в будке огород стережет – умнее, чем ты, урод...

– Ага... С той только разницей, что она не знает нужных тебе номеров. И я не на твоей цепи... – его глаза сузились, налились кровью. Я даже представить не могла, что можно так быстро ввести его в состояние ярости. – Сука... – в свою очередь прошипел он, склонившись к самому моему уху. Его дыхание участилось. Я попыталась отодвинуться.

– Не возбуждайся так, для тебя это уже бесполезно, – хихикнула я, пытаюсь разозлить его теперь как можно больше. Раз доводы к разуму не подействовали – выход был один – вызвать бурю, а потом и нужную информацию.

– Зато они и нор всех моих не знают, – продолжала провоцировать я его. – Я смогу спрятаться, только развоню повсюду, что жива. А ты куда денешься? Тебя видели врачи, медсестры, нянечки. Твои фотороботы появятся на всех перекрестках! А может и фотографии... Твоя медицинская карта... О тебе известно будет все – даже группа крови. А я спрячусь.

– Размечталась... Заказчик знает о тебе все.

– Не думаю... Назови мне имя. Ты мне говоришь имя заказчика, а я забываю о тебе... Тебя хоть милиция искать не будет, – я сделала попытку улыбнуться.

– Тебя сейчас убить, или ребят позвать? Заказчик ведь ждет, – он повернулся и двинулся к выходу.

– А вот это ты тут будешь залечивать?! – я вытащила припрятанный как последний аргумент скальпель и полоснула им по его рельефному заду. Кровь брызнула мне на пальцы, он взвыл.

– Дура, ты что ко мне прицепилась! – взревел он.

– Будешь хорошо себя вести, – вспомнила я его фразу, – я тебя отпущу.

И тут же пожалела, что не удержалась от дешевой кормежки самолюбия. Скальпель, по ходу, сыграл против меня. Если ты сам слаб и не владеешь приемами нападения и защиты, то лучше действовать без оружия, либо сразу убивать. Ахмед лишь сделал неуловимое движение, и хирургический инструмент оказался в его волосатых пальцах. Он обхватил меня за шею с виду ласково, но я почувствовала, как струйка крови побежала мне за пазуху.

– Сам решил во всем признаться?! И труп в доказательство? – как ни странно, мне удавалось сохранять спокойствие. – Молодец, удалец, облегчаешь работу милиции.

– Дура, – снова повторил он. – Быстро на выход.

– Посмотри налево... видишь? Девушка в регистратуре зорко наблюдает за нашим разговором. Уверена, она уже вызвала милицию. Вряд ли мне удалось держать скальпель так же незаметно, как тебе... да и кровь твоя уже на пол капает...

– Да не знаю я заказчика! – он опустил скальпель. Я с жадностью глотнула воздуха. Прием мой сработал. Такие наглядные доводы почему-то подействовали на него сразу. Что возьмешь с примитива, который понимает только очевидное. Сложно было бы Копернику доказать такому, что земля вертится вокруг солнца...

– Верю. Позвони тому, кто может знать, назначь встречу. Скажи адрес вашей студии.

– Она телефон крутит, твоя регистраторша. Здесь сейчас милиция будет.

– Выход один. Подойди к ней сам и попроси телефон позвонить. Звони, пока не поздно. Действуй!

Ахмед сделал лихорадочный шаг к регистраторше. Его пухлые губы расплылись в восточной улыбке.

– Девушка, дорогая, разреши позвонить, друзья не встретили.

– Я могу и охрану позвать, вы потише тут свои разборки устраивайте. У вас вон кровь сзади.

– Да, ерунда... Мне теперь такие пустяки не страшны... – он попытался засмеяться.

Он взял трубку из рук девушки и повернул аппарат к себе. Я тоже прижалась к трубке.

– Настеньш, дорогой, почему не встретили? – продолжал мурлыкать Ахмед, но уже в динамик телефона. – Поговорить нужно. Может, мне пенсию хозяин выплачивать будет?

В трубке послышался смех.

– Встретиться надо, – сменил он тон. – Прямо сейчас, ты сможешь?

– Ну подъезжай к моему дому на Тушинскую. Я в Макдоналдс выйду, пожру заодно. Буду ждать тебя на улице, у входа, или за столиком, – она почти промычала это. Слова расплывались и как будто растекались в ее горле.

– Ты что там? Воробушком летаешь?

– Нет... у нас тут возникли обстоятельства... – она снова рассмеялась. – До встречи, дорогой. Ребята хотели уже ехать к тебе. Что-то долго ты в больнице провалялся... – трубка замолчала, и лишь короткие гудки говорили, что телефон технически исправен.

– Ах вот ты где, дорогуша, – врачиха показала как-то слишком не вовремя. – Это он?

– Мы же договорились, – шепнул мне Ахмед на ухо.

– Нет... нет...

– Тебя на приключения тянет? Нам пора, – она оценивающе осмотрела Ахмеда.

– Минуточку, я сейчас.

– Все, что просила, я сделал. Настю ты запомнила?

Я кивнула.

– Больше ничего не знаю, – затараторил он, стараясь говорить как можно тише. – У меня только один телефон. Она может знать больше. Хотя... сомневаюсь. В группе у каждого один телефон. Хотя... Они – четверо – все очень дружны... Откуда заказчики берутся – спроси у Арсения.

– А Арсений кто? Хозяин? – мой вопрос повис в воздухе. Прикрыв разрезанный и кровоточащий зад курткой, он кинулся к дверям.

Я поплелась следом. Было совершенно ясно, что сам Ахмед на Тушинскую не поедет. Его там ждет не одна Настя.

– Халата лишнего нет у вас? – я залезла в больничную машину.

– Ну ты, барыня, мы что, ждать тебя должны? – врачиха поморщилась, но, приглядевшись ко мне, улыбнулась. – Что, нашла того, кого искала?

– Тетенька, раз вы такая добренькая, отвезите меня к Тушинской, и немедленно, и дайте мне ваш халат.

Она снова внимательно посмотрела на меня.

– А другого выхода нет? Может милицию позовем? Это вроде их дело.

– Вроде их. Но кто это им объяснит? У меня не получилось. Да и времени нет. Милиция даже не почесалась поискать его.

– Может раненого потревожить побоялись? – хихикнул шофер.

– Там подельники его должны подойти. А мне заказчик нужен. А эти спугнут всех – ничего не узнаем. Следователь меня за наркоманку принял.

– Ясно, хотя тут мы можем ему анализ твоей крови дать. Чтобы не было сомнений.

– Если человек уверен в том, что я вру, ему уже ничего не поможет. Он скажет, что у меня новые наркотики, которых вы даже и определить не можете.

– Тормозни-ка, – врачиха показала придорожную лужу. – Вот что.

Она вышла из машины. Я растерянно смотрела на нее.

– Дай свой жилет, – кивнула она шоферу. – И рубашку... тоженими.

Шофер неохотно снял с себя одежду.

– Ничего, ничего, – скороговоркой пробормотала врачиха, увидев недовольную гримасу парня. – Не замерзнешь.

Она сдернула с сидения грязную просиженную тряпку неопределенного цвета и повертела ее в руках.

– На вот, надевай прямо поверх своей рубашки. А халат больничный сними, – она протянула мне вещи. – Сначала – конспирация. А то нам потом опять тебя штопать.

– Да кто меня узнает – без глаза. Волосы подберу, и все.

– Девочка, ты не знаешь, с кем имеешь дело. Никогда нельзя недооценивать болезнь. Лучшее лечение – это профилактика заболевания. Они же делали фильм... Кто знает – какая у них возможность запоминания... Да что я тебе объясняю! Ты же биолог...

Не замолкая, в каком—то яростном приступе разговорчивости, она помогала застегнуть мне чужую рубашку и жилет. Я растеряно натянула на себя мужские вещи. Короткая ночнушка нелепо торчала из-под клетчатой сорочки шофера.

Женщина присела на корточки у лужи и опустила руки в мокрую грязь, с прилипшим к ней тополиным пухом. Погрузив их полностью и вымазавшись основательно, она поднялась и стала вытирать их о шоферские шмотки.

Вопль протеста раздался из глубины кабины.

– Молчи, дорогой. Отстираем. Простая грязь. Главное, чтоб потом крови не было.

Она схватила тряпку и обвязала ее вокруг талии, сделав прочный узел.

– Вот так хорошо будет. Тряпку обмазывать не буду, – оценивающе оглядела она плоды своего труда. – Теперь волосы. Тут ты права. Они тебя по волосам могут узнать, – она сняла свою докторскую шапочку и тоже вымакала ее в грязи. В заключении всей операции, просто вытерла руки о мое лицо.

– Отлично! – удовлетворенно бросила она. – Где тебя посадить, чушка?

– Во дворах, напротив Макдоналдса, на Тушинской. А в больницу я уже сама доберусь. Пешком. Там два шага.

Глава 5

Потапенко сидел на подоконнике распахнутого настежь окна. Жара заставила его снять рубашку. Худенький, подростковый торс нелепо сочетался с круглыми, черными очками, привычно сидевшими на кончике носа. Он лениво жевал бутерброд с докторской колбасой и запивал его лимонадом. Это была маленькая стеклянная бутылка, такие продавались много лет назад и были заветной мечтой каждого, умевшего клянчить ребенка. «Буратино» – уверенно гласила надпись на этикетке. Тополиный пух, так внезапно открывший летнюю хмарь, нагло летел в окно, щекоча нос и облепляя сладкое горлышко бутылки. Потапенко сплюнул.

– Что? Вкус, знакомый с детства? – Николаич вошел внезапно, хлопнул дверью и резко нарисовался прямо перед хрупким следователем. – А разделся чего? Тоже решил порнушку снять? – он хлопнул на стол тоненькую папочку. Не имея тяжести, она скользнула по гладкой поверхности пустого стола и, уткнувшись в печатную машинку с пропавшими кнопками, замерла. – Из больницы звонили. Марина Гринкович. Анализы мне переслали.

Потапенко снова сплюнул, хмуро посмотрел на коллегу из под бровей.

– Дай хоть пожрать спокойно. Ты бы видел эту девку! Морда синяя, опухшая, хронический посталкогольный синдром. Просто кошмар, чего не наговорят эти алкаши. Пить надо было меньше.

– Или больше, – улыбнулся Николаич. – А жрешь чего тут? В столовке сегодня отличный борщ.

Он уселся на единственный свободный стул и потрогал клетчатую рубашку, небрежно кинутую на одну из бумажных груд.

– Опоздал. Все сожрали.

– Ну хорошо, любезный. Ты что узнал об этой белоруске? Соседи ее что говорят?

– Ой, давай не будем об этой наркоманке. Обычная драка внутри тусовки. Резаные раны садо-мазо, плюс бред съехавшей с крыши игломанки. Я не психиатр.

– Может, нарколог? – Николаич злобно посмотрел на него.

– Во, во... Пусть к наркологу идет...

– Вот ее анализы. Она не наркоманка... – эксперт подтолкнул пачку бумаг.

– Говори больше... Мало ли, какие она наркотики употребляет... Наши врачи разве могут что-то определить?!

– Короче, ты можешь говорить что хочешь, но дело в том, что девушка сама сегодня в Склифе кого-то прижала. Охранник говорит, она его скальпелем по заду полоснула.

– Ну вот, я же говорю. Какие-то свои разборки.

– Я еще не все сказал. Врач, которая ее возила на свидание, сказала, что девка в засаду пошла, в Макдоналдсе встречу там назначили ей. Или ему... так что собирайся, поедем. Это уже серьезно.

– Проплыла вся порезанная в темноте, выползла к больнице, – да бред какой-то. Друзья – наркоманы и подвезли ее. Сами порезали и подкинули к больнице, – Потапенко и не думал покидать комфортное место на сквозняке, в проеме открытого окна. Жара медленно вносила тополиный пух, замедляя сознание и отменяя все возможные мотивации какого-то движения.

– Ты каких фильмов американских насмотрелся? Это только у них подкидывают к больницам. Вернее, в их фильмах. А в жизни – подкидывают в канаву, в лучшем случае – скорую вызовут. Или просто кидают. Ты вот что, любезнейший, ты мне расскажи по дороге ее показания.

– Да какие там показания! – снова воскликнул Потапенко и даже ногой дернул. Он допил «Буратино», и пустая бутылка подхватила это движение, угрожая грохнуться на ста-

рую, чугунную батарею, казавшуюся нелепым анахронизмом среди лениво оседающих тополиных семян.

– А это от психических особенностей каждого человека зависит. Это наверняка какие-то картины-кадры, может, даже и подробные. Что именно – это у кого как получится. Бывает, что и все помнит, но размыто. Только у кого психика крепкая может запомнить все и в подробностях.

Николаич говорил серьезно, ровным голосом, и казалось, не замечал скептического настроения Потапенко.

– Да мне даже записывать ее показания стыдно было! Чуть не сгорел от стыда, что мне приходится тратить время на фэнтези.

– Может сказки?

– Да хоть побасенки! Я не литературный критик, чтобы заниматься разделением жанров и классифицировать одни выдумки от других! Мне реальность нужна!

– А реальность в том, Сергей, что ты сегодня невменяем. Не знаю почему. От жары ли, или у тебя резко развилась сарказминофия. А это надо лечить, может даже и профилактически.

– Ты сам подумай, откуда у нас снаф-порно? – Потапенко, наконец, слез с окна и осторожно поставил пустую бутылку на пол, рядом с ножкой стола. – Не могу сказать расценки, честно, но самые захудалые ролики и бесплатно во всемирной помойке валяются тоннами.

– Килотоннами... К сожалению психов у нас в мире не уменьшается...

– Да неважно все это. Я не собираюсь обсуждать и распускать тут сопли по поводу... и без... Для нас важно, что девушка наша —врет!

– Да, конечно, порно-триллеров можно нахалюва накачать, а вот качественного, полнометражного фильма вряд ли найдешь, хотя я и знаю пару мест...

– Ну хорошо, – Потапенко взял рубашку и попытался натянуть ее на влажное от пота тело. – А как ей удалось выжить?

– Да мало ли какая ситуация там возникла! Тебе же она ясно сказала – пенис откушен, – Николаич вдруг довольно рассмеялся ехидным тихим смешком чертика, что сидит в табакерке. – Ты схему-то сам себе представляешь? Как работает этот бизнес?

От бесплодных усилий Потапенко рубашка треснула. Короткий рукав повис на плече. Он раздраженно чертыхнулся и рванул рубашку еще сильнее. Звук рвущейся материи повторился. Теперь оба рукава болтались, удерживаемые несколькими стежками.

– Ничего страшного, – эксперт рванул обе тряпички, и рубашка осталась совсем без рукавов. – Так моднее. У меня внук так ходит – говорит – самый писк.

– Да знаю я... Заказчик – посредник – мастер... Не маленький. Но это же и изобразить можно! Кровь и боль. Голливуд еще и позавидует...

– Потапенко, не лезь туда, чего не знаешь. Наиграть такое невозможно... Поверь мне... Америкосы, когда были в Ираке, издевались над арабами и снимали это на камеру. Потом продавали...

– Да знаю я... Они и не продавали, они и так в инете помещали... Но там же все другое...

– А что другое-то? Озверевшая кадла сытых, тупых, ничего не делающих людей, подверженных длительному сексуальному воздержанию и получивших небольшую, скажем так, почти минимальную власть над другими. Заметь – физическую, бесконтрольную власть... Все – никаких катушек.

– Ну ты еще скажи, что люди хотели секса, поэтому вышли на Майдан, – Потапенко сердито застегивал пуговицы.

– Много незнакомых людей видят друг друга впервые, – улыбнулся Николаич, хитро посмотрев на Потапенко. – Пташка опять ищет себе синичку в новом коровнике...

– Ладно, значит, берем за основу схему учебную? Наемник ищет жертву, следит, собирает инфу, караулит, когда надо звонит оператору. Он подъезжает, ведет скрытую съемку. В живых никого не остается. Дело максимально – недельное.

– И бешенные бабосы! – Николаич открыл дверь.

Они уже спускались по лестнице, когда Потапенко внезапно остановился.

– С трупом можно сделать что угодно... Можно закопать, можно сжечь... Почему они решили его утопить?

– Да у них и трупа не было!

– Вот именно! Пристрелить что ль не могли? Для начала то...

Николаич, не останавливаясь, продолжал спускаться по лестнице.

– Вспомни, что она тебе рассказала: она член откусила. Что это значит? Что занимался ее устранением уже кто-то еще. Там, вроде, вначале девушка была со шприцом... А барышня в таком положении вряд ли догадается снять пистолет с предохранителя.

– Даже, если предположить, что пистолет был заряжен и патрон в патроннике, нужно было еще снять с предохранителя?...

– Даже если и так... – Николаич открыл входную дверь и провел маленькими корявыми пальцами по обнаженной лысине. – Тут могут включиться другие мотивы... Нужно найти ее до того, как она надевает глупостей и еще раз расспросить. Может, всплывут забытые, но важные детали. Это может быть помещение, дом, звуки с улицы, произнесенное имя, кличка, акцент, манера разговаривать. Может, она вспомнит особые приметы типа шрамов на руках, или на ногах... рядом с глазами, видный через прорези в маске....

– Или на пенисе...

– Да, время мы упустили... А насчет алкоголя, – Николаич замолчал. – Его не было в ее крови. Но возможно, – Николаич остановился и снова замолчал. Теперь его пауза длилась так долго, что Потапенко уже перестал ждать продолжения, когда тот вдруг тихо и как бы себе под нос пробормотал. – Но, возможно ты и прав...

– Дело врачей? Или ты не об анализах?

– Пойдем...

Глава 6

Дом стоял в глубине леса, на отшибе. Трехэтажный, из настоящих бревен, покрашенный темно-коричневой краской. Окна были черными. В Опалихе полно было неопознанных дач, принадлежащих неизвестно кому. От шоссе, через лес шла грунтовая дорога. Чуть дальше она поворачивала к дачному поселку. Просека и поле отделяли остальное обитаемое пространство от этого мрачного строения. Впечатление мрачности усиливалось от вида деревянного забора, такого же коричневого с черным, сплошного и высокого. Арсений возился с техникой, проверяя работу камер. Двое парней привычно наблюдали за его манипуляциями.

– А что, сегодня много будет гостей? – Роман лениво и небрежно откинулся в кресле. Белый махровый халат распахнулся, слегка придерживаемый приспущенным поясом, и обнажил натертое кремом загорелое тело. Он крутил на указательном пальце черную маску.

– Откуда я знаю?

– Хозяин ничего не говорил?

– Он всегда мало говорит, – Володин посмотрел на ребят прозрачными голубыми глазами. – Сказал только, чтобы веб камеру тоже подключили. У него клиент есть на это шоу.

– —А деваха-то беременная. Нам денжат не прибавят? – Денис дернулся по направлению к двери. Его бедра были обвязаны розовым пушистым полотенцем. Широкоплечий, но не мускулистый торс его был округлым и не рельефным.

– А что, убивать беременных труднее? – Володин включил все экраны перед собой.

– Ну как, – Роман натянул маску. – Мера пресечения может быть выше.

– Высший суд тебя еще не скоро покарает! – оператор засмеялся.

– Как сказать, авария, проснулся не с той ноги, самолетик упал, скат в море... Нет, ты намеки ему, чтобы прибавил.

– А что тебе деньги жизнь заменят? – не поднимая головы тускло пробормотал Володин.

– А без денег – разве жизнь?

– Прибавят, прибавят... если придумаете что-то, – в двери стояла Настя. В руках у нее была бутылка воды и чайник. – Держи, Сеня, чтоб тебя тут удар не хватил. А я чайку попою, пока нет никого.

Она подошла к комоду и достала чашку с золотым рисунком.

– А что придумать-то? – Денис придержал соскользнувшее было с него махровое полотенце.

Настя усмехнулась, взмахом ресниц отметив его движение.

– Стесняешься? Да ничего, меня не вытошнит.

– Да, Ден у нас как с картины сошел... – Роман прищурился, оценивающе посмотрев в глаза Дену.

– Какой?

– Смерть Святого Себастьяна. Голубая мечта гомосексуалиста.

– Вот она – эволюция представителей сексуальных меньшинств: Чайковский – гомосексуалист, Меркьюри – гей, Баксов – пидор, – Настя налила себе чая. Яркая лампа просветила насквозь тонкий австрийский фарфор, цвета слоновой кости, придав новый оттенок коньячной охры его наружным ребристым стенкам.

– А Ден кто? – рассмеялся Роман.

– Ты еще спрашиваешь...

– Послушай, ты, девочка с большой дороги... – Ден вдруг злобно сощурил глаза. – Сама-то ты что из себя представляешь?

– То же что и ты – простую неудачницу.

– Не рано ты нас всех записала в неудачники? Может вся неудача твоя в твоей простоте?!

– Ты хочешь оскорбить меня? Или цепляешься к словам? Обычная неудачница. Так лучше? Или ты меня за дуру держишь?

– За гуру, – рассмеялся Ден, смешно мотнув головой и сделав круг вокруг своей оси. – Мы студенты ВГИКА! Да за наше место многие отдали бы большие деньги!

– Но оставили их при себе, – слова Володина прозвучали резко.

Настя рассмеялась.

– Что, малышка, за дерьмо нас держишь? – Роман поднял ногу и дотронулся до старинного фарфора большим пальцем левой ноги.

– Ну хорошо, – Ден сдернул полотенце и остался в чем мать родила. – Сама-то ты о чем мечтаешь? Ты же учишься на актерском. Может станешь еще великой и... богатой, – он придержал свои гениталии всей пятерней, возможно инстинктивно, а может быть из позерства.

– Красивой, – перебил Роман и весело заржал.

– О славе, – спокойно ответила девушка.

– Это что, друг Сени? – хихикнул снова Роман.

– Так тебе 23 года, – вдруг ожил Арсений. – Будет у тебя слава.

– Ковровая дорожка к траппу? Сомневаюсь... Вертолет на крышу пентхауса... Клад...

– А что за клад?

– Так хотелось в детстве... Подходишь к какой-нибудь старинной стенке... пнул сапогом... и посыпались золотые монетки... золотые украшения... жемчуга...

– А почему не в пещере? И мстить... Мстить всем, кто хоть раз косо на тебя посмотрел. Граф Монтекристо будет сниматься заново! В роли графа – наша Настя, – Роман захлебывался словами, он хохотал. Его круглое лицо стало еще круглее, глазки сузились. Выражение покровительственной надменности усилилось. Молодое лицо покрылось складками, хорошо видными на загоревшей коже.

– Зря... ты так заиклилась на этих монетах... – Арсений не упускал нити разговора.

– А что? Думаешь слава Чекатилло меня устроит?

– Ковровую дорожку к трапу, цветы, оркестр, репортеров – все хотят. Это ж мечта каждого. Ты думаешь – почему это есть только у президентов и королей? И то, когда они уезжают, или приезжают... Не чаще... Чтобы крышу не сорвало... Это же воплощение мечты их подданных! – Ден дурачился как мог. Он встал на голову и на руках угрожающе ходил по напичканной техникой комнате.

– Боже мой! Женщина. Ты говорила о новых способах заработка... а свела все, как всегда.. к пустой трескотне... А новое—то что?

– Ну как что..., – Настя вздохнула. – Новые способы.

– Да в инете тоже разнообразием не блещут! – Денис махнул рукой.

– А что ты так заиклился на паутине?

– Да, я тоже смотрел народное творчество, – сквозь зубы процедил оператор. Во рту его торчал кусок провода. – Дуло в рот и снимай штаны. Потом, не опуская оружия, трахают во все что попадется и, как апогей фантазии, пуля в рот, или нож в горло.

– Да я тоже видела, ничего больше нет. Без вариантов.

– Ну что ты хочешь от бесплатного снафа?! Наше кино отличается от их, как Спилберг от Тарковского.

– В смысле? Такие старые приемы?

– Да там все порно – постановочное! – Роман сладко вытянулся на кресле и протянул ноги. Голые пятки утонули в пушистом ковре. Снисходительный взгляд его серых с крапинкой глаз переходил с одного собеседника на другого.

– А Тарковский чем тебе не угодил? – Настя сделала глоток из дымящейся чашки и поморщилась. Ее маленький носик капризно дернулся и она поставила чашку на стол.

– Во первых, качество видеосжатия, то есть цифровой обработки, а во вторых, представь, низкобюджетный фильм (обычный) и картину Спилберга.

– А Тарковский-то что?

– Достали им в институте. Как будто жизнь остановилась, и никто больше ничего не снял с тех пор, как он почил, великий и ужасный!

– Давайте не будем его трогать, он не снимал порно, – Денис лениво подошел к шкафу и раскрыл дверцы.

– Дурак ты, Ден. Ты хоть Солярис его смотрел? На занятиях не показывали вам? – Настя положила свои ножки на журнальный столик рядом со своей чашкой. Золотой рисунок удачно гармонировал с двумя золотыми перепонками итальянских сандалий. Высокая шпилька – вот все что связывало ее с грешной землей. Золотая змейка обвивала изящную лодыжку. Гладко выбритые щиколотки украшала маленькая татуировка в виде виртуозно прорисованной бабочки. Она посмотрела на ноги, потом на Арсения.

– Если это для меня – то мне и тут хватает, – Арсений даже не моргнул на маленькие ступни с ярко-красными ногтями. Он махнул головой на огромный экран, на котором ожило несколько картинок.

– Скажи лучше, что ты и так сыт! Сколько за тобой девок на курсе бегают?!

– Давай не будем! Никто за мной не бегают! И девушек у нас на операторском нет.

– Сень, у меня тоже прописка московская, чем я тебе не подхожу? И живу одна. Давай поженимся? Иль подороже себя продать хочешь? – Настя встала и подошла к копошащемуся над клавиатурой Володину.

Неожиданно он выпрямился и посмотрел на девушку своими красивыми голубыми глазами. Под этим взглядом Настя замерла, как кролик рядом с удавом.

– А ты вот ты сама скажи, на что ты была бы готова, чтобы иметь квартиру в Москве?

– Послушай, разве сейчас это проблема? – Настя положила ладонь красавчику на плечо. – Снимай квартиру, и все. Лимитчики ушли в прошлое, так же как и великая страна дураков.

– Арсений хочет получить все в комплекте. И не два в одном, а наборчиком.

– Ты так говоришь, потому что родилась в Москве. Только родилась, а уже москвичка, – Володин старался не отрываться и не отвлекаться на споры.

– Ну а что там у Тарковского в Солярисе? Я не помню там эротики, даже легкой, – Денис вытащил кожаный прикид из открытого шкафа.

– Значит ты тут паришься ради квартиры? – девушка провела ладонью по щеке Арсения.

– Ну что ты к Сене пристала? – Роман все так же продолжал блаженствовать в кресле. – Все мы тут не ради твоих красивых глаз.

– А мне, например, нравится.

– Что? – Володин резко обернулся к Дену.

– Ну... да не знаю... хорошая работа... и платят... на всю ораву. Положа руку на сердце, – где мы бы нашли такие заработки?

– Ты тащишься от того, что убиваешь? – Настя презрительно посмотрела на ребят. – Я так и знала. Мужики все, имея женщину, мечтают ее убить. Акт обладания, как акт насилия. Вы, ребята, даже зубами скрипите, когда ****е. Как будто убиваете и вонзаете в нее ножи. У вас такое зверское выражение лица!

– Да что ты понимаешь, – Роман поморщился. – Лучше предложи что-нибудь новенькое для фильмов.

Настя снова села в кресло.

– А что новенькое? Новенькое – это хорошо забытое старенькое.

– Вы хоть с девкой той надежно разобрались? А то явится приведением в милицию.

– Утопили, – Настя передернула плечами.

– Утопили? Пристрелить не судьба была? – Роман аж привстал в кресле.

– Пушка ваша не стреляла.

– Что ты несешь?

– Ну... не стреляла она. Я жала, жала на курок, и... ничего. Пушка у вас сломалась.

Двое рассмеялись. Одновременно, дружно, весело.

– А ты, ты, Сень, ты тоже не знал, что предохранитель на пушке бывает?

– Я на это не подряжался, – буркнул блондин. – Это не моя работа.

– Чистеньким хочешь остаться?

– Если тело, погруженное в жидкость, через полчаса не всплыло – значит оно утонуло, – улыбнулся Володин. – Закон Архимеда.

– Но доверять можно только трупу, хорошо обожженному или, закопанному в лесу...

– Мальчишки, а вы покушали? – девушка испугалась поворота разговора.

– Да, – неожиданно спокойно ответил Роман. – Мы китайской еды по дороге перехватили. Остро, зато возбуждает.

– Жареные тараканы в кисло-сладком соусе? – рассмеялась Настя. – Ну что это за еда, вы голодные. Хотите, я вам холодной телятины принесу? Я привезла для гостей.

– А ты себя, значит, Тарантино воображаешь? – Ден опять подступил вплотную в Володину.

– Давайте оставим свои амбиции в стенах института, а? – Роман дотянулся до руки Насти. – От холодной курятины я бы не отказался. А? Телятина жесткая...

Он медленно погладил захваченную руку девушки.

– У тебя такая гладкая кожа, Настюш, как я завидую тому, кто сможет погладить тебя всю.

Девушка удовлетворенно улыбнулась и кокетливо взглянула на парня.

– Да за одно только это, я думаю, многие парни отдали бы многое.

– За что?

– За возможность прикоснуться к тебе, красотка, – он хитро прищурился. – Неужели ты втянулась в это все из-за этого молодого Тарантино? Очень сомневаюсь, что настоящие гении работали из-за денег и славы.

Громкий хохот прервал его. Арсений отвернулся от экрана и обнажил в улыбке свои по-детски редкие зубы.

– Много ты понимаешь!

– Те, о ком подумал сейчас ты – плохо кончили, или рано, что тоже не хорошо. Я говорю о Леонардо, о Микеланджело, который ходил в рубище, как нищий, о великом Гауди, которого даже после смерти в больницу для бомжей спихнули, где он и умер, неопознанным, о Дали, наконец, чьи деньги так и не нашли, потому что их что?... не было...

– Как тоскливо слушать ваш псевдоинтеллигентский бред о Сальери и злодействе! – Ден схватил бутылку воды и попытался открутить крышку.

– Хватит болтать. Работать надо, – Арсений, хмыкнув, отвернулся к экрану. – Настя, у тебя что, идея была?

– Да нет, я просто читала маркиза де Сада.

– Боже мой! Какая женщина! – снова схватился за ее руку Роман. Он поцеловал ее в ладонь, а потом стал целовать каждый пальчик в отдельности.

– Разминаешься? – Ден озабоченно проскочил мимо. Он подошел к огромному креслу на колесах. Подкатил его к Володину. – Ты тут все проверил? Все камеры работают?

Володин защелкал кнопками на переключателях. Несколько камер было вмонтировано в ручки и в высокую спинку. Глазки их были даже в ремнях и в ножках и давали возможность наблюдать за действием во всех ракурсах. Он помахал ладонью перед ними.

– Все работает.

– А что у маркиза? – Ден вдруг обернулся к застывшей с поднятой рукой девушке. Он стоял перед открытым комодом и выбирал хрустальный стакан.

– Там у него есть пара ходов, которые уж точно не использовались еще нигде.

– Не тяни.

– Задницу зашить иголкой с нитками. Ну и... впереди тоже, – Настя опустила глаза.

– Вы хотите это сегодня попробовать? Тогда вам придется отвязывать ее от кресла, – озабоченно пробормотал Володин.

– Ты вот что, гений, пистолет где? Для страховки надо всегда иметь под рукой.

Настя молча выдвинула ящик стола. Шуршание шин за окном напомнило о времени.

– Уже съезжаться начали, – тускло констатировала Настя.

– Да рано еще. Только одна машина, – Роман снова погрузился в кресло. – А ты значит, маркиза почитываешь... Ради вот этих шоу? Или личный интерес?

– А надо было что-то другое? Интеллектуальное? – подведенные глаза девушки были похожи на нарисованные очи древней царицы.

– От хорошей жизни такую литературу не читают. Мало кто откроет подобное при полном о'кее.

– В самом начале открытия не закрывают вообще ничего.

– Девочка, он имеет в виду не то, что ты открыла книгу и не знаешь, что там. Он говорит о том, что вряд ли будет успешный читать автора с подобной репутацией, – вмешался Ден.

– Какой – подобной? – Настя округлила свои красивые глаза. – Это же де Сад. Я знаю его репутацию, но не знаю, что он пишет. Почему мне нельзя взять его и почитать?

– Бикооз, – томно протянул Роман и дрыгнул ногами, отчего его белый махровый халат распахнулся, и стали видны худые волосатые ноги. – Бекоооз, надо развивать ум, а не примитивные инстинкты.

– И это говорит студент-актеришко, подрабатывающий простыми убийствами, – удивленно расширила глаза девушка. – Кто-нибудь узнавал, как там Ахмед?

– Ха-ха, – весело рассмеялся парень. – Это как раз и есть политика двойных стандартов!

– Почему простыми? Мы тут создаем шедевры ничуть не хуже твоего маркиза! Может они и признаны не так широко, но за них хоть деньги платят. А твой маркиз, если мне не изменяет память, всю жизнь в тюрьме просидел? Со своими сексуальными фантазиями...

– Я вас про Ахмеда спрашиваю. Вы узнавали, что у него?

– Что может быть у него? У него теперь уже ничего нет! – Роман тоже встал и подошел к шкафу. – Да ты не волнуйся. Мы тут все его друзья, а с такими друзьями...

– Враги не нужны... – закончила его предложение Настя.

– Глобальное обрутальвание, женщина, заставляет по настоящему современных и прогрессивно настроенных молодых людей искать способы и возможности для реализации чужих и своих фантазий. Реализации! Чем изощреннее фантазии, тем больше платят за их реальное воплощение. Понимаешь? Не пустое бумагомарание. За слова деньги не платят.

– Крутая тачка? Крутая телка? Это предел твоих фантазий?

– Почему моих? Я бы еще не отказался от домика на Канарах, – Роман с сомнением посмотрел на кожаный жилет. – Коллекции кроссовок...

– А ты? – Настя развернулась к Арсению. – Ты чего молчишь?

– Может, тебе почитать что-нибудь экзистенциальное? – жилет как влитой разгладился на загоревших плечах интеллектуала. – Такая вот трансформация, – прокомментировал он свое отражение в зеркале. – Маркиз де Сад, граф Монте-Кристо, – такой набор свойственен для неустоявшейся личности...

– Человека в поиске, – подхватил Ден.

– Или бездельника, – продолжил Роман.

– Неужели??... Почему же не читают? Но... ведь интересно же и такое почитать...

Ребята молча одевались у зеркала.

– Ну ок... пусть я неустоявшаяся личность буду... – Настя улыбнулась, поправила свои длинные волосы и закинула руки за голову. – На бездельника я увы и увы... не тяну... иногда сожалею об этом. Экзистенциалистов читают либо лет в 20, либо лет в 60 и далее...

– Ко второй категории вы явно не относитесь, – безинтанационно пробормотал Роман.

– Но... хм... мне все же кажется, что такой наборчик лучше... – Ден вертелся перед зеркалом как обезьяна. – Лучше чем комиксы...

– Или детские раскраски...

– А сами-то вы что ищете в книгах? – Володин щелкал клавиатурой, снова проверяя все.

– Лично я ничего не ищу... просто мне с детства нравилось наблюдать изощренность человеческой мысли...

– Разве можно об искусстве говорить категориями – нравилось, не нравилось, лучше, хуже?!

– О! милая Настенька! Вы не зря, я вижу, посещаете лекции!

– И не пора ли самому начать мыслеизошряться?

– Вы правы, Настенька, – продолжал юродствовать Роман. – Но пусть слова подобраны неудачно... мне сам процесс был интересен... И все равно... слезливые дамские романчики, или покетбуки про криминальные разборки... ммм...

– И до чего ты донаблюдался? – перебил его Арсений.

– Гы, – хмыкнул Ден то ли на реплику Володина, то ли на свой вид в зеркале.

Послышался шум вновь въезжающих машин.

– Смотри, Роман, дочитаешься до мыслетрясений! – Настя встала за спиной оператора и внимательно посмотрела на горящие экраны.

– Три машины во дворе, три на подходе. А что плохого в дамских детективчиках? – Арсений обернулся к ребятам.

– Могу объяснить. Хотя вы, друзья, сами себе противоречите. Ты же сказала, нельзя оценивать категориями хуже – лучше. А вообще... вот... как ни странно... самые лучшие и верные оценки... как раз из самой простой категории – понравилось – не понравилось.

– Ваше время уходит. Вам пора на выход, – Настя наблюдала, как зала заполняется людьми в масках.

– Ммм... у меня и Сартр и Кафка... тяжеловато шли... – Ден застегивал последний ремень своей амуниции.

– Я не противоречу, я пытаюсь подчеркнуть абсурдность оценки, – Настя выбирала маску для себя. Красная, с черными и синими перьями, желтыми и белыми стразами привлекла ее внимание. Она примерила ее.

– Возьму на сегодня эту.

– Время уходит? – Роман держался за прозрачную ручку деревянной двери, готовый открыть ее и выйти. – А в каком случае оно не уходит?... каждый проводит свое время по своему усмотрению, интересу, вкусу... нет?

Он вышел из комнаты, громко хлопнув дверью и чуть не прищемив Дену ногу.

В центре большой комнаты была сооружена крошечная мраморная круглая сцена. Полукругом стояли массивные черные кресла. Их бронзовые ручки богато посверкивали в свете приглушенных пока электрических светильников. Семь человек в масках удобно расположились в них, ожидая начала реалити шоу. Две женщины в длинных платьях нервно и нетерпеливо оглядывались. Видно было, что они впервые на подобном мероприятии. Одна из них зябко куталась в кашемировый шарф с кистями, богато украшенный золотой вышивкой и мелким жемчужным бисером. Сидевший рядом мужчина в джинсах и тонком свитере спокойно положил свою руку на ее судорожно вздрагивающие пальцы. Белый локон выбился из под темной кружевной шапочки, похожей на шапочку пловчихи. Такие были модны когда-то, в прошлом, в начале прошедшего столетия, в серебряном веке русского искусства.

– Неужели он привел свою новую жену? Ей же 20 лет, – Настя застыла перед экраном.

– Кто?

– Я его по рукам узнала. В журнале было. Вот смотри...

– Тебе пора, иди скорее, – оператор даже не проследил взглядом, как она обиженно ушла. Дверь снова хлопнула.

Настя вывезла тележку с напитками, бутылками и бокалами. Мужчины оживились. Молча указывая пальцами, они лишь кивали головами на лед, если он был им нужен. Девушка с локоном потянулась к Настинной тележке. Ее взгляд был отсутствующим. Руки дрожали. Сухощавый мужчина хотел было возразить и его тяжелая рука, мускулы которой не скрывал даже свободный свитер, поднялась в молчаливом протесте, прерывая линию намечившегося движения Насти. Но, увидев, как покорно поникла его спутница, он сам налил ей полный стакан виски. Изрядная порция льда брякнулась о стекло хрустальной емкости. В комнате было тихо. Женщина в белом отрицательно покачала головой и сделала движение постукивающего по часам на запястье. Часов у нее на руке не было, и стало ясно, что она пришла сюда только для того, чтобы увидеть то, что стало вдруг модным в избранном ею обществе: убийство. Увидеть для галочки...

– Пора фиксировать ее и будить, а ты все о ерунде разглагольствуешь. И не надоело это все тебе в институте? – Дэн почти бежал с тяжелым, напичканным всякой аппаратурой креслом по коридору за быстро шагающим напарником.

– Я до 14 лет в Волге арбузы ловил, что ж, можно теперь и о высоких материях поговорить, – губы Романа расплылись в снисходительной улыбке. Взгляд снова стал покровительственным.

Они вкатили массивное кресло в самую дальнюю комнату. Тут на диване лежала девушка. Она была одета и все еще спала, не зная, что ее ожидает. Резкими движениями ребята рывками подняли ее и посадили в каталку. Она застонала, приходя в себя. Роман с силой ударил ее по лицу.

– Просыпайся, солнышко, а то всю жизнь проспийшь...

Дэн гыкнул. Он жестко фиксировал ремни на руках и ногах. Замки защелкивались один за другим.

– А что, эту штуку с зашиванием задницы, можно и сегодня попробовать. Иголки в доме есть?

– Швейные? – Роман присел перед девушкой и внимательно смотрел ей в лицо.

– А чем ты собираешься шить?

– Дэн, человеческие органы обычно шьют хирургическими иглами, а их у нас – целый набор.

Роман встал и подкатил небольшой металлический столик с полками из серебристой сетки.

– Вот, – он поднял снизу блестящую нержавеющей коробку. Стерилизовать – не надо.

Дэн опять гыкнул.

– Значит, будем отвязывать?

– Этого не избежать.

Жертва открыла глаза и вполне осмысленно посмотрела на ребят.

– Отпустите меня, мальчики, я больше заплачу.

– Все так говорят, – Роман подошел сзади и обвел ремень вокруг горла девушки.

– Мне больно, – вырвалось у нее.

– В первый раз всегда больно, – Роман шелкнул застежкой и обошел вокруг.

И тут она стала дергать привязанными ремнями руками и раскачивать свой смертный трон во все стороны.

– Да успокойся ты, поздно уже... Хорошо зафиксированная женщина не требует, как говорится, длительных предварительных ласк.

Его слова не произвели на женщину никакого действия. Она раскачивала и раскачивала кресло, мотая ремни на запястьях то вправо, то влево.

– Опять беспокойная попалась. Веселенькое сегодня будет у нас шоу.

– Ну хоть рот затыкать не надо, – гыкнул снова Ден. – Повезли на выход. Сейчас мы тебе устроим и свадьбу и роды.

– Да уж, девочка, кого-то ты сильно разозлила, раз тебя так быстро заказали. Признайся, требовала жениться на тебе?

Роман выкатил кресло из дальней комнаты и теперь, с трудом толкая его перед собой, завозил в лифт, устроенный в конце коридора.

– Ты пушку забыл, – вдруг обернулся он к Дену. – Давай тележку с инструментами тоже сюда и беги скорее, я тебя внизу подожду.

Никто не обернулся на звук захлопнувшихся за Романом дубовых, массивных дверей. Кресло вздрагивало от резких движений прикованной к нему девушки. Медленно и тяжело приблизившись к мраморной сцене, Роман вкатил кресло по специально сделанному скату на возвышение. Вспыхнувший яркий свет залил место предстоящего действия. Стаканы замерли в руках посетителей. Кто-то завертелся в поисках Настиной тележки, кто-то просто опустил свой стакан на пол. Звонкий звук ударившегося хрусталя заставил посмотреть всех в эту сторону. Мужчина встал. В мгновение он оказался стоящим перед привязанной женщиной. Та со странным упорством все раскачивала и раскачивала кресло и ремни.

Резкий звук удара хлестко прозвучал в ночной тишине загородного дома. Женщина вскрикнула.

– Тварь, маленькая тварь, – слышалось бормотание мужчины.

Он хлестал ее по лицу, то по одной щеке, то по другой, и непрерывно что-то говорил. Слова не всегда можно было разобрать, лишь «тварь» и «мразь» – четко прослеживалось в его монологе.

Жара, духота летней ночи, сделали свое дело. Его лицо стало пунцовым, то ли от напряжения чувств, то ли от сделанных физических усилий. Он вытер пот со лба и отошел. Струйка крови текла из левой ноздри женщины. Но глаза были сухие. Она начала снова раскачивать кресло, молча и не смотря на присутствующих.

Роман и подошедший Ден внимательно посмотрели на гостей. Никто не проявлял желания встать и присоединиться к действию. Все ждали развития события, полагаясь на постановщиков, или просто было лениво двигаться в такую жару. Наглухо закрытые окна не прибавляли ощущения свежести, но спасали от так надоевшего пуха.

– Да откуда тут пух, – подумал Арсений, обернувшись на задраенные окна, но открывать не стал. Каждый звук мог стать уликой в таком темном деле, в которое он ввязался.

– Ну что же они, как размазни, почему застыли как истуканы? Да сделайте вы хоть что-нибудь, – уже громко сам себе сказал он и обреченно встал. Действие на экране застыло, как немая картинка оборванного древнего фильма.

Словно услышав его отчаянный вопль, ребята взялись за маленькие ножички. Первый надрез на внешней стороне руки девушка пережила молча. За ним, без перерыва последовал второй, на другой руке. Она вздрогнула и вскрикнула, казалось, от неожиданности. Следующий – на правой руке. Кровь заливала ей запястья. Невозможно было уже различить – откуда эта кровь. От порезов бандитов, или от постоянного трения о ремни, в попытках их разорвать.

– Ну хоть что-то, – облегченно плюхнулся на свое место оператор. – Что там делает эта сумасшедшая? Она что, разорвать ремни решила? – он придвинулся к экрану и включил новое окно.

Женщина в белом вечернем платье вдруг проявила интерес и, встав со своего черного кресла, гулко процокала каблуками к мраморному голгофному возвышению. Она взяла ножичек у Романа и осторожно начала разрезать блузку на груди у привязанной.

– Ну, женщины! – пробормотал Арсений. – Их всегда тянет на лесбиянство.

Вслед за блузкой, легкой, шифоновой и прозрачной, под нож попали нижнее белье и юбка. И тут она остановилась. Как будто чего—то вспомнив, или забыв, а скорее всего, это было давнее наваждение, так бывает, она отбросила ножик в сторону и с силой дернула девушку за ухо. Та громко вскрикнула, голова наклонилась на бок. Женщина в белом, повторила свое движение, но в этот раз она дергала не за ухо, а за серьгу. Вырвать ее с первого раза у нее не получилось. Она делала это снова, пока, наконец, золотая серьга не осталась у нее на ладони. Ее белые перчатки давно уже были в крови, платье тоже.

Двое мужчин встали со своих кресел и тоже подошли к месту действия. Один из них поднял маленький ножик и стал тоже наносить порезы на руке женщины. Не удовлетворившись этим, он тыкнул ее в ногу. Крики не замолкали. Девушка уже не старалась сдерживать стоны. Она орала. Орала громко, яростно, без слов. Просто орала, в последней, возможно, надежде, что ей кто-то придет тут на помощь.

От этих криков, ставших уже животными, молодая белокурая женщина вдруг упала с кресла: она потеряла сознание. Подтянутый спутник подошел к ней и присел на корточки. Он поднял ее голову и постарался привести ее в чувство, похлопав по щекам и проведя кусочком льда по вискам. Ничего хорошего из этого не вышло. Едва открыв глаза, женщина открыла рот, и потоки рвоты, к досаде и видимому сожалению спасителя, полились на его джинсы. Он чертыхнулся. Злобно сжав губы, он бросил ей шарф, и со словами – утрись, пошел к креслу, не желая ничего пропустить из этого кровавого зрелища.

– Дайте мне клещи, я хочу выдрать ей зубик, или язык, чтобы не орала, – прошипел он и, не отворачиваясь от искаженного болью лица девушки, протянул руку к Роману. Тот вложил в протянутую ладонь стоматологические клещи.

– Настя, ну Настя, ну давай же, займись этой шапочкой... – бормотал у экранов Володин. – Ну где же ты, Настя, она же опять грохнулась в обморок. Нам тут только второго трупа не хватало. Кому это приперло в голову невропатичку привести с собой? – Арсений злобно выругался. Все шло как-то не так. Он чувствовал это, ощущая на грани инстинктов. Что-то привлекло его внимание. Он отошел к группе других экранов. Охранных. Непонятное движение на дороге, проходящей мимо этой обособленно стоящей дачи, было не ко времени и не к месту.

– Это еще что такое? Мы никого больше не ждем... – он прилип к экранам. – Да что же это...

– Ааааааа, – орала девушка на страшном кресле пыток.

Один из клиентов маленькими ножницами отрезал ей правый сосок. Кровь снова брызнула на вечернее, бывшее когда-то белым платье.

И в этот момент раздался страшный, по своей неожиданности и громкости, звук. Это был треск досок, скрежет металла, скрип тормозов и звуки выстрелов. Все это вдруг так

резво контрастировала с криками бедной истязаемой, что вызвало внезапный шок и остановку действия.

– Что случилось? – Роман очнулся первым и подбежал к окну. Там не замолкали выстрелы. Чуть ли не заглушая их, но, во всяком случае, не тише гремела музыка, что-то тяжелое, возможно рок.

Не разбирая, что, где, когда и почему гости бросились к выходу. Мужчины побежали к своим машинам и охранникам, стремясь как можно быстрее покинуть место намеченного коллективного преступления.

Выбежав на улицу, они попали в неразбериху ночных выстрелов и грома музыки. Веселое, пьяное ржание превращало все это в какую-то неуместную игру, за которую они не заплатили. Сбоку от дома забор был начисто снесен въехавшим сюда без всякого приглашения внедорожником. Он в щепки разнес забор, растолкал стоящий тут во дворе ровный ряд машин и так удивил охранников, оставшихся у кого-то в машинах, что заставил их палить не разбирая куда и в кого. При этом, из мощной машины, что ездил субботним вечером не различая ни дорог ни заборов, неслись изысканные звуки пьяной ругани, непонятные крики мяукающих кошек и бешеных собак, гавкающих о бренности и роке жизни на всех языках мира. Было темно, и что творилось в машине и во дворе видно не было. Скорее всего, пьяная компания выбралась из машины и слонялась вокруг, может, даже кто-то из них уже зашел в дом. Но, судя по обилию выстрелов, они тоже были с оружием и отстреливались.

Роман, увидев эту неразбериху, быстро повернул в дом. Пистолет остался на столике перед креслом. Участвовать в перестрелках – это был не его репертуар. Но стоять тут без оружия, тем более не соответствовало выбранному им жанру.

– Перестаньте стрелять! – Арсений столкнулся с ним на крыльце. Он пытался перекричать рев музыки и звуки выстрелов.

– Ты тоже прибежал?

– Перестаньте стрелять! – все еще пытался остановить вакханалию оператор.

– Да брось ты! Чтобы это остановить, нужны громы небесные, – Роман пытался войти в дом.

– Да это кто-то пьяный на машине гонял, наверняка без прав...

– Пьяный в жопу... – перебил его Роман. – Пойду тоже постреляю. Дэн побежал включать прожектора.

– Этого нельзя делать. Правила. Клиенты не должны быть узнаны.

Машины стали выезжать из разбитого двора.

– Да пошел ты со своими правилами! Ты что, не видишь, что творится? Эти сейчас уедут, и нас тут всех перестреляют эти пьяные придурки, и что? Прощай слава? – с громким хохотом он вошел в дом.

Страшный треск и перестрелка вызвали панику. Несмотря на боль, девушка в кресле была в сознании и видела, что все бросились вон из комнаты. Она сложила ладошку лодочкой и, сделав невероятное усилие, вытянула свою узкую руку из кожаного браслета. Кровь, как смазка, густым слоем осталась на его внутренней поверхности. Судорожными движениями одной руки она ловко и быстро щелкала металлическими застежками, освобождая себя из страшного плена. Правая рука не действовала: кто-то последним движением воткнул в середину ладони ножик. Он так и торчал, приковывая ее к мягкой ручке чудовищного приспособления для пыток. Она вытащила и его...

В зале не осталось никого. Или почти никого. На полу лежала та блондинка, которая вызвала столько внимания Насти, что в поисках лекарства для нее, она попросту слиняла. Роман медленно поплелся к столику, вдруг вспомнив, что сейчас увидит избитую девку, и что

опять нужно будет что-то решать с ней. В какой-то момент он даже подумал, что надо бы спросить – сколько она может предложить за жизнь.

– Надо бы в сортир зайти, – подумал он, и тут произошло что-то странное.

Она сидела на кресле, не в силах сразу встать. Время отсчитывало мгновения, чудесные мгновения для спасения, или небольшой передышки перед смертью. Она качнулась вперед, испытывая силу ног, и тут раздались шаги. Шаги были неторопливы, но мгновения ее кончились. Девушка встала.

Женщина стояла перед ним вся в крови, не ожидавшая, видимо, что о ней вспомнят. Кровавые лохмотья едва прикрывали худенькое, с округлившимся животиком тело. Роман остановился. Не потому, что он испугался этого жалкого зрелища. Меньше всего он ожидал увидеть девку, которую только что тыкали во все части тела ножичком и ножницами, вот так, запросто стоящей перед ним. От неожиданности он даже присвистнул.

– Ни фига себе... А что у нас делает Дункан Маккалуд из клана Макклаудов? Пора голову отрубать, милочка. В конце должен остаться только один.

Бросив на нее взгляд, он двинулся дальше, к столику.

И в этот момент пред его лицом закачался пистолет.

Раскачивая кресло и пытаясь продеть ладонь сквозь туго затянутый ремень, женщина не сводила глаз с пистолета. И теперь она сжала его в скользкой от крови левой ладони. Стрелять она умела. Еще один выстрел никто даже не заметил. Она подобрала кашемировый шарф блондинки, подхватила ее театральную сумочку и вышла в коридор.

– Деен, Дееееееееен, – крик Арсения был еле различим на фоне грома музыки, выстрелов и фырчанья заводящихся моторов. – Лови ее, она убегает.

Яркие прожектора внезапно залили светом весь двор. Володин стоял на крыльце, когда заметил белизну голых ног убегающей женщины. Она мелькнула в проеме разбитого забора и исчезла в темноте. Он бросился за ней, но вдруг остановился.

– — Где?

– Да вон же она.

– Кто? – Настя подошла к оператору, ничего не понимая.

– Девка убежала. Через забор ушла.

– Приди в себя. Какая девка? Это машина с пьяными въехала тут...

– Сама ты с ума съехала, – Арсений все еще тряс рукой в сторону дыры в заборе. –

Она ушла, надо догонять.

– Что же стоишь?

– Надо машину брать. В темноте мы не обнаружим ее.

Произошедшее быстро дошло до сознания Дена. Он бросился к забору. Свет прожекторов выхватывал часть дороги, но кусты вдоль нее создавали густую черную тень.

– Не могла она босиком до леса добежать. Не могла.

– Вот что, ребята. Я хочу спать. Вы разбирайтесь тут, а я пойду спать. Хоть всю ночь дорогу из леса патрулируйте, – Настя развернулась и пошла к дому.

– Ха, обалдела что ль? У нас жертва сбежала! Понимаешь ты? Жертва! Этого нельзя допускать! Ни при каких обстоятельствах.

– Послушайте, вы. Дауны. Сейчас тут будет вся милиция Подмосковья. У нас во дворе разбитые машины, гром, выстрелы, взорванный забор.

– Не взорванный, а сбитый.

– Может даже трупы есть. А где Роман?

– Я не видел его с тех пор...

- Она права, мы должна найти Романа и проверить, что там мы можем спрятать... или увезти. Ты должен позвонить шефу.
- Он убьет меня за ночной звонок.
- Не болтай глупости, это его бизнес, пусть он и решает, что нам делать.

Бежать по траве было еще легко. Непривычная даже к ходьбе босиком, она не чувствовала сейчас боли от ударов о корни и острые концы валявшихся сучьев. В лесу она укрылась от убийц. Но надо было выбираться к жизни. И как можно быстрее.

Глава 7

Метро Тушинская имеет два выхода, как и большинство станций московского метрополитена. Макдоналдс выбрал для себя тот, что был ближе к стадиону. Дорога, сворачивающая сюда с Волоколамского шоссе, создавала впечатление площади. Длинные струйки очередей причудливо извивались в ожидании своих автобусов и маршруток. Но при всей толчее не было ощущения тесноты и замкнутости. Вообще, иллюзию огромного свободного пространства создавал еще потрясающий вид, открывающийся всем, кто направлялся к метро. Горизонт красовался короной, выросшего на той стороне Москвы-реки, высотного здания «Алых парусов» и игрушечного, как из спичечных коробков, района Строгино. Макдоналдс находился на той стороне съезда, где не было жилых домов. За ним заборился какой-то заводшко, и маячил аэроклуб имени Покрышкина.

Я появилась в своем великолепно испачканном тряпье незаметно, выйдя из дворов. Солнце палило нещадно. Казалось, оно решило выдать всю свою теплую жаркую мощь за один день и на все лето. Разморенные от жары люди сонно передвигались, посасывая бутылки с водой, пепси и пивом. Никто не обратил на меня внимания. Бомжей у метро всегда было хоть отбавляй. Раньше я всегда удивлялась этому обстоятельству. Они не просили милостыню, не кланчили у прохожих, не протягивали грязные ладони к полным сумкам затарившихся в магазинах людей. Они просто сидели тут, недалеко от коробочников, что продавали щенков и котят в хорошие руки. Теперь я вздохнула с облегчением, увидев, как минимум, пять человек в таких же несуразных нарядах как и мой.

Я шарахнулась. Правый глаз выхватил из группы коробочников мою соседку. Толстая, невысокая женщина с туго собранными в хвост светлыми волосами смотрела по сторонам, время от времени разговаривая с товарками.

– Ир, ты посмотри-ка за моими, я сейчас подойду. Тебе попить принести?

Слава богу, подумала я, хоть отвлекли ее. Конечно, вряд ли бы узнала она меня сейчас, даже если бы мы столкнулись бы нос к носу. Но черт его знает. Когда смотришь человеку в глаза, то кажется, что тебя видят насквозь.

Коробки с живностью стояли у самого метро. На той стороне дороги, открытый для всех ветров, возвышался Макдоналдс, приманивая к себе тенью пестрых зонтиков и столиками, уютно расставленными на высокой террасе. Вход в него и стал центром моего наблюдения. Я ретировалась. Подходить близко и выходить на такое открытое место не было никакого резона. Да и служащие Макдоналдса могли турнуть. Вряд ли им нужны были клиенты-грязные чушки. Я уселась на низкую каменную ограду двора, внимательно наблюдая за площадью. Один глаз имел узкий обзор. Приходилось вертеть головой и напрягать зрение, чтобы всмотреться и разглядеть. Быстрый успех моей встречи с Ахмедом вскружил мне голову. Надеясь на удачу, я не строила планы, а просто ждала выхода Насти.

Она должна была придти не одна. В этом я была уверена. И вряд ли она вынесет на встречу с Ахмедом конвертик с деньгами. Значит, можно было высматривать и ребят. Но их я не знала. Не помнила. Возможно, я бы и смогла узнать всех, если бы у меня была возможность понаблюдать за ними, послушать голоса, увидеть характер движений и манеру говорить. Но маловероятно, что меня ждет этот момент истины здесь и сейчас. Я помнила только девушку. И ее готова была вытащить из любой толпы. А вот парни... Они знали меня в лицо. Наверняка выслеживали меня раньше, имели фото, ловили момент похищения.

Я надвинула шапочку, старательно испачканную врачом и завязанную у меня за ухом, на самые брови. Конечно, они думают, что я умерла, в этом мое преимущество. Но уверенности в том, что Ахмед им не позвонит и не предупредит их, у меня не было. На что я рассчитывала? Не на то же, что он меня пожалеет. Это вряд ли. Совершенно очевидно было,

что он убил бы меня прямо в больничном вестибюле, если бы девушка и охрана так внимательно не следили бы за нами. Я улыбнулась. Да, разыграно было все как по нотам. Одно могло сейчас его остановить: – наверняка он рассчитывал успеть доехать до дома, взять все необходимое, может быть деньги со счета, и успеть куда-то спрятаться. Как только он сделает это... дальше я не стала думать. Ахмеда нельзя было назвать человеком развитого ума. Особого интеллекта в нем не было. Значит, все будет так, как подскажет ему инстинкт и три с половиной процента его работающего мозга. Если он сумеет ими воспользоваться и надежно спрятаться, он, может, и забудет обо всей этой истории. А если нет, и ему придется остаться в Москве и шастать тут в поисках денег и пристанища, – он им позвонит.

Но несколько дней у меня было.

– Ряженые появились, – раздался хриплый голос у меня за спиной.

Я вздрогнула. Сзади сидел такой же грязный, как и я, мужик, в синих когда-то штанах, подвязанных теперь простой веревкой. У его ног сидел второй. Несмотря на палящую жару, тот был в черной синтетической шубе, серых рваных брюках, которые обнажали грязные колени. На ногах у второго не было ничего, кроме рваных сизых носков.

– У меня что – грязь другая? – стараясь говорить как можно тише, ответила я.

– Да ты не отвлекайся. Следи, следи. Ты сама, по своему почину ищешь, или нанял кто? – его тон был спокойный, не слышалось агрессии и угрозы в голосе.

– Да ничего я не ищу. Так просто сижу, подругу жду.

Я старалась не сводить свой единственный глаз с террасы Макдоналдса. До сих пор не появилась ни Настя, ни какая-либо группа парней, хотя бы отдаленно напоминающая бандитов.

– Нас тут так просто не проведешь. Подруга ведь туда должна придти, на ту сторону дороги... – не отвязывался он.

Я не видела толком, что это за человек, который так быстро меня просчитал. Он сидел сзади и слева. Эта сторона была у меня слепая.

– Я и не собираюсь вас провожать, сами дойдете, – огрызнулась я. – А место не куплено, хочу и сижу. Ведь вам я не мешаю...

К нам подошла женщина, одетая так же как я, в мужскую грязную рубашку и короткую, драную юбку. Ключья старой комбинации свешивались из-под верхнего платья, напоминая, что это женщина.

«Где она ее достала?» подумала я, разглядывая синие кружева, неровно прикрывающие загорелые и худые колени. «Наверное, на помойке подобрала. Кто-то перебирал барахло и выбросил бабушкины тряпки».

– Это я для тепла надела, – заметила она мой удивленный глаз.

Я промолчала, не желая поддерживать разговор, отвлекающий меня от и так непростого наблюдения одним глазом.

– Пива принесла? – послышалось за спиной.

– Да, вот. А что же она не выпьет с нами пива? – услышала я невероятное приглашение.

– Неее..., Архиповна, она с нами пива не выпьет, это точно... молодая она ешшщшо, – прошипел первый голос, прозвучавший вдруг неожиданно иронично, и я услышала звон отлетевшей пробки.

Я встала. По моим расчетам, уже полчаса как Настя должна была появиться. Или хоть как-то проявить себя. Я оглянулась на дома, стоящие напротив террасы у меня за спиной. Она сказала, что Макдоналдс у нее из окна видно. Значит, живет она именно в этом доме. А может, в соседнем... М-да... Так мне никого не найти. Не ходить же по квартирам, не прозванивать всех и спрашивать, не проживает ли у вас тут девушка Настя. А если она живет с мужем, с родителями...

Вертя головой по сторонам, как заведенная, я углубилась во дворы. Тут было пустынно. В песочницах не было ни одного карапуза, лавочки были свободны от бабулек и молодых мамочек. Белый пух лежал повсюду рваной полупрозрачной воздушной вуалью.

Вряд ли она живет в этой башне, почему-то подумала я и с сомнением посмотрела на единственный подъезд 12 этажного дома. Я медленно вошла во двор пятиэтажной хрущевки. Дом образовывал прямой угол, без проходов и арок, и стоял сразу на двух улицах. Его окна выходили и на Макдоналдс, и на Волоколамское шоссе. Внизу, с внешней стороны была аптека и ломбард.

– Во, даже ломбард, как у старухи процентщицы... Да тут просто пахнет преступлением, – вот черт, – одернула я себя, – что за глупость лезет мне в голову.

Я еще не теряла надежды встретить выходящую Настю, или узнать бандитов, пришедших к ней. Первый подъезд был открыт настежь. Ни домофона, ни кодового замка тут не было. Вернее, что-то похожее кнопилось на двери, но она плотно была прижата кирпичом, то ли из-за жары, то ли вся система уже не работала. Сделав шаг в подъезд, я обернулась. Со двора, на Волоколамку выезжала машина скорой помощи. Страх врезался адреналином в мои биохимические реакции, добавив им скорость. На минуту я замерла, не зная, что делать. Машина завернула за угол и исчезла в газующем потоке средств передвижения.

Что-то толкало меня вперед, ощущение, что я близка к цели, вело меня дальше.

В подъезде было грязно и темно.

– Ребята уже хотели ехать к тебе... – вспомнилось мне. Не ребята ли уже побывали здесь? Но почему тогда Настя не вышла к Ахмеду? А зачем ей было выходить? Раз он не пришел. У нее же окна на Макдоналдс выходят. Он не пришел – она не вышла. Логично. Эта машина... Возможно, что это были они. Может, они следили из окна – он не пришел, они все уехали. Долго же я теперь буду искать новую ниточку. А если... если Ахмед все же предупредил ее и, перезвонив, назначил встречу в другом месте? И сейчас они – невидимые и неузнаваемые мной, топают по моему следу, высматривая меня в каждой женщине... Вот черт, надо было пацаном переодеться... Слава богу, что хоть как-то вымазалась...

Внезапно я остановилась. Предо мной была распахнутая настежь дверь квартиры.

– Хэй, есть кто? – я постучала по открытой двери, заглядывая внутрь.

Тишина. Стараясь шагать как можно тише, я переступила порог квартиры.

– Хэй, – снова позвала я.

«Что за черт, я совсем из ума выжила. Зачем красться и орать „хэй“ одновременно.»

И тут я застыла. Женские ноги в золотых босоножках просто так лежали на полу в коридоре, уходя своим началом в комнату.

Они убили ее, – стукнуло новой адреналиновой волной.

Убили, но уехали, – смелее, – новая мысль толкнула меня на новый шаг.

Я вошла в комнату и увидела девушку целиком. Это была Настя. Я узнала бы ее в любом виде. Она лежала на полу, задрал голову кверху. Одна рука ее была подогнута под спину, вторая – лежала вверх ладошкой, высоко, если можно так выразиться о лежащем на полу человеке, поднята. Она дышала. Дыхание было редким и поверхностным. Я присела рядом и приподняла ей веко. Зрачки были узкие, реакция на свет – вялая. Кожа ее посинела. Разбросанные рядом одноразовые шприцы и следы уколов на руке, довершали картину и все объясняли.

Так, что это значит? Убили не они, – иначе не оставили бы дверь нараспашку. Значит, вызвали скорую и смотались. А дверь нараспашку, чтобы скорая вошла, а не уехала как с ложняка.

Адреналин нужен. Ей. А что нужно мне?

Я лихорадочно осмотрелась. Стол, книжный шкаф, разбросанные тут и там женские тряпки, шкаф. Я быстро открыла ее сумочку.

– Ну какое там! Захотела телефонную книгу. Они забрали, не дураки.

Тут не было ни мобильного, ни записной книжки, ни даже каких-либо документов.

Все пусто. Перед диваном стояла маленькая карточка девушки на фоне синего неба. Механически я выдернула фотографию из рамки и сунула в карман. Это была Настя, но мало ли. Вдруг будет кому показать.

Окно было настежь распахнуто. Шторы раздвинуты – терраса Макдоналдса была как на ладони. Тополиный пух комьями гонялся по пластиковому полу, кружась на сквозняках.

На кухне было очень чисто. Все помыто, расставлено по полочкам, посудные шкафчики блестели.

Кто бы мог подумать. Такая чистюля.

И тут я обернулась на телефонный звонок. Аппарат стоял тут же, на кухне. Он был простой, с автоответчиком, без определителя номера. Я взяла трубку и вскрыла ячейку автоответчика – она была пуста, кассету, разумеется, тоже унесли.

– Алло...

– Скорую помощь вы вызывали?

– Да...

– Почему дверь в подъезд закрыта?

– Не может быть! Я только что прошла.

– Скажите код, мы не можем войти.

– Я не знаю кода. Я спущусь и открою вам.

– Только быстро.

Я бросила телефонную трубку на рычаг и рванулась к двери. И тут же остановилась. На стене, на кухне, у этой аккуратной девушки были записаны столбики телефонных номеров. Их сопровождали буквы, у кого-то заглавные, у кого то маленькие. У кого-то номер был без всяких обозначений. Я посмотрела на девушку, на номера, и, не раздумывая, бросилась к лестнице.

Дверь была нараспашку, как и тогда, когда я вошла в нее.

Кто-то им уже открыл, – мелькнуло у меня в голове. Но врачи мне на лестнице не попались, странно. Я развернулась, чтобы подняться снова по лестнице, и тут сильный удар по затылку остановил мою возможность думать.

– Ну что, пришла в себя? – я услышала уже знакомый голос. – Архиповна, плесни ка еще водички на нее. Вот горемыка-то.

С трудом открыв глаз, я снова закрыла его. Яркое солнце ослепило меня, не давая мне возможности разглядеть, где я и что...

– Молчи пока. На вот, водички хлебни.

– Повезло тебе, дивчина, что Андреич за тобой пошел.

И тут я все вспомнила. Телефоны в кухне. Я резко вскочила. Голова кружилась.

– Зря ты так делаешь. На все надо иметь терпение. А ты, вот так просто, после удара такого, хочешь куда-то бежать.

– Там... там... телефоны. Мне очень надо.

Мы сидели прямо на траве, на газончике перед домом Насти. У ее подъезда стояла скорая. Я рванулась к подъезду, уже ничего не соображая. Поднявшись по лестнице, прислушиваясь к своей голове, чтобы не рухнуть в обморок, я оказалась опять перед настежь распахнутой дверью.

– Все, прекращаем. Целый час интубировали адреналин. Нажралась девка от души.

– И чего таким молодым не хватает? Отзвониться надо на подстанцию. Звони, пока я карточку заполню.

Это были женские голоса, даже отдаленно не напоминающие тех бандитов...

Я смело шагнула в квартиру и прошла на кухню.

– Пойдите, вы куда? – женщина, сидящая в глубине комнаты, подняла голову от своих бумаг.

– Я тут живу с ней, – не раздумывая ответила я и, не останавливаясь больше для дальнейших объяснений, рванулась к стенке над телефоном. Меня ждало огромное разочарование. Огромный клочок обоев повис, сорванный чьей-то рукой. Куска с телефонами не было и в помине. Лишь серая цементная стенка уныло смотрела на меня своими убогими трещинками.

– Это вы вызвали ей скорую? – слышались новые вопросы.

– Да нет, у меня записано – мужской голос.

– А тут разве разберешь – кто это...

Я молча вышла...

На траве перед домом никого не было. Уже ничего и никого не опасаясь, я пошла к метро. Архиповна и Андреич все так же сидели на каменной оградке. Сизые носки медленно потягивал пиво через полосатую трубочку, вставленную в узкое горлышко бутылки.

– Пришла... Не нашла ничего? – хитро посмотрел на меня Андреич.

– Нет... Было... Были телефоны на стенке записаны... А теперь их нет, – от горечи и досады я выкладывала подробности своих поисков этим чужим, грязным, и вонючим людям.

– Не расстраивайся...

– Если бы я не вышла, а срисовала бы эти телефоны, то у меня была бы ниточка, а теперь все оборвано, ничего больше нет, – я никак не могла остановиться, меня просто прорвало.

– Помедлила бы – сама бы погибла. Да и вряд ли бы помогла бы тебе та ниточка. Гордыни в тебе было много, когда днем сюда пришла. Не могло у тебя получиться все хорошо. Не любит разум гордыню.

– Как же жить тогда? Униженной и оскорбленной что ль? – второй раз за сегодняшний день Достоевский всплывал в моих ассоциациях. – Да вы тут ни о чем не думаете, вам-то что...

– Унижение? А кто тебя унизил? Оскорбил? А кто тебя оскорбил? Те, кто глаз тебе выбил? Если бы тебя гадюка укусила – ты бы тоже считала себя униженной и оскорбленной?

– А, – отмахнулась я от него. – Философствуете, а сами сидите – жрать нечего.

Он замолчал. Архиповна тоже не стала спорить.

– А ты иди, что сидишь, иди... – пробормотала она, косясь на голодного худого кота, что бродил тут вокруг них, пытаюсь разжиться едой.

Брошенный кот, которого, видать, никто не купил... брошенные люди... тоже никому не нужны...

Чтобы я сейчас отдала за то, чтобы быть вот так же брошенной, чтобы меня никто не искал, чтобы можно было вот так сидеть тут, на открытом месте, и быть всем безразличной, никому не нужной, и не прятаться ни от кого... – просто сидеть вот так на солнце, пусть оборванной, нищей, но независимой и живой.

– Хорошие мысли, – услышала я откуда-то снизу. Владелец Рваных сизых носков, все так же неподвижно сидевший прямо на асфальте, обрел голос. Старик приподнял голову и посмотрел в мой правый глаз. Я вздрогнула.

– А почему меня врачи не подобрали? – вдруг вспомнила я.

– Бомж пьяный, кому он нужен? Проспиться...

– Аааа, ясно. А вы почему меня спасли?

– Бомжи не рыцари, деточка, – снова заговорил Андреич. – Бомжи философы новой волны... они вне системы, – почему-то говорил он о себе в третьем лице. – Поэтому сво-

бодны. И среди них появился один, осознавший это и создавший из отстоя цивилизации святое воинство.

– Пожалуй, я пойду, – встала я.

– Иди, конечно. Я же и говорю, молодая ешшщо. Была бы спокойной, сразу бы заметила, что один сидит на террасе и наблюдает за окном в доме напротив.

– То есть как? – я повернулась к старику своим правым глазом и внимательно уставилась на него.

– А так... Подруга твоя прислала вместо себя парня. Он и сидел, но за окошком ее наблюдал. Может, она ему знак какой сделать должна была, что ты пришла.

– Значит, когда я вошла в квартиру и показалась в окошке, они и вернулись?

– Думаю, что нет. Думаю... они вернулись за тем, за чем побежала туда ты...

– А зачем же они стукнули меня?

– А что с тобой в квартире разговаривать что ль? Один из них увидел тебя в окне и сообщил второму, что в квартире кто-то появился, а тот в это время, видать, уже бежал за этими телефонами, которые, ты говоришь, то есть, то нет.

Мне стало смешно. Я села рядом с этими бродягами и стала хохотать.

– Это у нее от шока.

– Гордыня уходит.

– С тупостью.

Затылок ломило, но я не могла остановиться. Началась икота. Архиповна протянула мне воду.

– На уж, глотни, а то так и будешь в истерике биться.

Я прижала свои пересохшие губы к грязному горлышку бутылки, из которой пили уже все эти ребята. Хотя нет, они пили пиво.

– А вы-то откуда все знаете? – наконец оторвалась от бутылки я и смогла задать назревший вопрос.

– Ты задаешь вопрос и отвечаешь.

– Нет, я не отвечаю, я хочу услышать ответ ваш.

– Нет, деточка. У тебя уже готов ответ, как и у многих, кто так любит задавать вопросы.

– А сама как думаешь?

– Вы смотрели за посетителями?

– Мы смотрим и видим. Знаешь, в моем детстве учитель по истории всегда шутил, когда ученик отвечал невпопад. «Какого цвета яблоко? Круглое». Вот так и у тебя. Ты задаешь вопрос, и у тебя уже готов ответ, который не соотносится ни с реальностью, ни с действительностью, ни с объектом, за которым ты наблюдаешь.

Настроение менялись внезапно. Я заплакала. До меня вдруг дошло, что бандиты могли узнать меня, что я могла оказаться в китайской западне, когда охотник сам становится добычей.

– Я могла потерять шапочку, – всхлипывала я. – Я могла потерять шапочку... Волосы... Они сразу узнали бы меня по волосам....

Архиповна снова протянула мне бутылку акваминерале. Захлебываясь теперь уже от рыданий и слез, я сделала несколько глотков.

– Ничего, это все пройдет.

– Куда пройдет? Вы только посмотрите на меня! Я сдернула шапочку. Светло-русые волосы рассыпались по плечам.

– Да что ты мне показываешь! Я тебя еще с двумя глазами запомнил.

Я снова вздрогнула.

– У меня больше ничего нет! Нет красоты! Нет глаза! Нет надежды! Нет места в жизни, на которое я рассчитывала! И самой жизни тоже нет, потому что я боюсь ходить по улицам, боюсь, что меня убьют.

– Вон как за телефонами побежала в подъезд, где тебя только чуть не убили!

Я остолбенело смотрела на седого бомжа.

– А ведь правда! Почему я даже забыла о страхе.

– Потому что месть движет тобой сейчас.

– Да нет же! Нет во мне злобы и мести. Я просто хочу сама жить. А как мне жить?

В норе сидеть?

– А к матери уехать?

– А вдруг он и там меня найдет?

– Кто?

– Я не знаю. Если бы я знала.

На мгновение я удивилась, что они что-то обо мне не знают. За несколько минут разговора я привыкла, что для них не существует вопросов. Состояние истерики усиливало иррациональность происходящего. Жаловаться бомжам на жизнь! Я поняла, что мне точно пора уходить.

– Да, иди, иди. Хватит с тебя на сегодня. А то ты с нами с ума сойдешь.

Я встала и пошла, потихоньку, чувствуя временами сильное головокружение.

– Не стоит только идти к тому, кто тебя уже однажды бросил! – Архиповна крикнула мне вслед.

Не задумываясь больше о словах и их смыслах, я шла молча, снова натянув шапочку как можно ниже на глаза. Дворами и переулками я поравнялась с домом, в котором так спокойно жила я все это время. Я подняла голову и посмотрела на свои окна. Так захотелось хоть на секундочку зайти домой, взять хотя бы одежду. Я перешла на другую сторону дороги, чтобы не поддаться соблазну. Вон они, мои окна, на четвертом этаже. Сердце екнуло от неприятного воспоминания. Кто-то сегодня точно так же наблюдал за мной, когда я ходила по квартире Насти. Я резко опустила голову и чуть не попала под поезд, который приближался к станции. Поднявшись снова от железной дороги по насыпи, я остановилась, пропуская поезд. Покосившись на подъезд, в который когда-то возвращалась после института, я увидела Алешу. Мой Алеша выходил из моего подъезда! Он приехал и искал меня! Он любит и беспокоится обо мне. Чувство утраченного счастья, мечты и лопнувшего будущего заставило меня поспешно отвернуться. Он любит... Но он не знает, что стало со мной. К чему звонить и что-то объяснять, когда и так ясно – жена с одним глазом ему вряд ли нужна. Он достоин лучшего. Обиженные и оскорбленные – вспомнила я бомжей. Да, именно так! К чему получать лишнюю обиду и оскорбление отказом, к чему наблюдать скривившееся в ужасе лицо, что отвечать на возглас – что с тобой стало!

Я вошла в заводскую больницу, в том же самом грязном прикиде, что сделала мне докторша. Главный врач ждал меня у двери в палату.

– Вот что, дорогуша, правила установлены не вами. Не хотите лечиться – скатертью дорога.

– Да, спасибо, я уйду. Я сейчас... только, не знаю... уйду я... да... конечно.

– Вы что же хотите, думаете, что сами справитесь? Есть милиция, есть те, кто должны это делать. Вы показали уже ваш затылок?

Я устала на него, ничего не понимая.

– Какой затылок?

– По которому вам опять дали, а вам все мало, я погляжу.

– А что я, по вашему, попала в дерьмо – так сиди и не рыпайся?!

– А ты хочешь ворота открыть? Думаешь, беда пришла?

- А что ж мне и чирикнуть нельзя?
- Лучше у воробья в клюве, чем у коровы в заднице!
- Да ваш воробей меня чуть не сглотнул!
- А по моему, это ты кому-то что-то откусила.

Он вдруг рассмеялся. Его смех прозвучал неожиданно среди нашей перепалки. Он был маленький, тщедушный человек, без волос, без усов. Халат болтался на нем, как на вешалке. Руки были костлявые и жилистые. Обручальное кольцо он не носил, хотя по больнице носились его внуки.

- Максим Павлович, я все понимаю, я ухожу. Сегодня же.
- Интересно только куда? К Архиповне с Андреичем?
- Это они вам сказали про сегодняшнее?
- В медицине свои секреты. Не мне тебе объяснять. Это военная больница, военный завод вот тут, рядом, за стеной, ты что же, милая, ты будешь тут в шпионов играть, эркую пуаро из себя выебы... – он замолчал, и растерянно посмотрел на меня.

– Я – белоруска. Это вы, москали, ушли от всех, кто на вас напал, а мы не привыкли умирать, не попытавшись выжить.

- Так живи. Куда ты сегодня полезла? Тебя дважды чуть не убили!
- Как мне жить? А он будет продолжать на меня охотиться? Долго я проживу?
- Кто?
- Откуда я знаю, – устало брякнула я. – Я не знаю, кто это, может кто-то в институте...

Понятия не имею.

- Езжай к матери.
- Скажите еще – понаехало тут...
- Скажу... Понаехало тут...
- Не уеду!

Он снова рассмеялся.

- Значит, это бомжи вам рассказали?

– А ты думала, под грибком с коньячком и гудом косорылым, тебя бродяги на трепологию разводили? Короче. Они у меня тут каждый месяц подлечиваются. Я не хочу ничего тебе доказывать. Более того... Я сам не знаю, что я бы сделал на твоём месте. Но! Я врач! Ты сейчас же идешь и делаешь рентген. И – условие! Если ты опять вздумаешь исчезнуть, убежать, скрыться, заняться расследованием, сыграть в ящик, найти собаку Баскервилей, пять апельсиновых зернышек и т. д. и т. подобное... – ты...

- Что?

– Ты кладешь мне на стол телефон, по которому я смогу проверить, как заживают зашитые мною раны. Я давал клятву Гиппократу и не собираюсь гореть из-за твоих глупостей в аду.

Он развернулся и, шаркая стоптанными ботинками, быстро отошел от меня.

Глава 8

Сергей Потапенко вошел в вестибюль Склифа деловито и ни на кого не глядя. Было похоже, что он входит сюда каждый день, работает тут, или, как минимум, приходит на свидания к тяжело и длительно больному. На самом деле, он переживал и очень сомневался – правильно ли они поступили, не поехав сразу к Тушинской, к Макдоналдсу. Идти по показаниям и следам Марины, или же попытаться поехать на встречу – они обсуждали это всю дорогу.

– Она нашла его в больнице. А ты как собираешься найти его у Макдоналдса? – задавал, и задавал свой надоевший уже вопрос Николаич.

– Я ее найду. Ее-то я видел.

– Что ты видел? Синюю, опухшую от побоев морду? Синяки и ссадины. Ты сам сказал, мордovorот еще тот.

– Да ладно тебе, Николаич, ну что ты каждое слово цепляешь, как бусинку. Да узнаю я ее. Сяду в Макдоналдсе. Она сама подойдет.

– Подойдет, если она та, за кого себя выдает. А если нет?

– То ты защищаешь ее, то вдруг опять.

– Я не защитник. И ты не защитник. Наше дело – выяснить истину.

– Может, бочку Диогена закажем?

– То ты предлагаешь поместить ее в психо-наркологический диспансер, то спецназ к Макдоналдсу хочешь подогнуть. Ты, первым делом, должен был проверить ее показания.

– Это ты об откушенном члене что ль? Какие же это показания? Она из ревности своему другу откусила причиндалы, и что? Что тут проверять, если он сам не обратился в милицию?

– А ты сам подумай... Если они думают, что она умерла, он преспокойненько себе сидит в больничке, может, даже имени своего не изменил, по советскому паспорту лечится... в смысле, по карточке медицинского страхования.

– А если она врет?

– А если она врет, то вероятность случайно оказавшегося в больнице человека с откушенным членом будет такой же, как встретить нам сейчас динозавра на дороге, – пробормотал Николаич.

– Да, был такой. Сегодня выписался, – у окошка сидела все та же девушка. – Его девушка тут встречала. Они там опять чего-то не поделили, и чуть тут поножовщину не устроили. Но потом помирились.

– Вы хотите сказать, что они вместе ушли?

– Кажется, да... хотя... нет... за девушкой врач пришла...

– А адрес у вас его есть?

– Да, конечно... У нас есть все его данные, можете посмотреть... – она встала и пошла к стойке архива. – Минутку. Это займет какое —то время.

– А о чем они говорили, вы не слышали?

– Да они по телефону звонили. Вместе. Она набирала... хотя... нет, кажется, он.

– По какому телефону?

– Да вот по этому... по моему...

Потапенко снял трубку и набрал нужный номер.

– Простучите-ка мне, родные, этот номер. Кому тут звонили, и адреса владельцев.

– Он еще встречу назначил. На сегодня. Я слышала.

Девушка протянула им карточку и историю болезни.

Два адреса, два имени. Ахмеда, и женщины, которой он звонил из больницы. Потапенко с энтузиазмом рулил, несмотря на страшную жару. Пот капал с его жидкой, корот-

кой челки, заливал глаза, струился под воротом рубашки. Вот и Волоколамка. Лихо срулив во дворы, он быстро нашел нужный подъезд. Тут все еще стояла скорая. Подняться на четвертый этаж – было делом нескольких минут. Николаич, кряхтя и охая, с трудом поспевал за ним.

Дверь Настиной квартиры была все так же распахнута. Две женщины снимали капельник, вынимая иголки из вен девушки.

– Так, что тут происходит? – Потапенко уставился на распростертое на полу тело.

– Труп.

– А вы тут зачем? Труп уже был, когда вы приехали?

– Нет, было редкое поверхностное дыхание, цианоз кожных покровов, в общем,дохлое дело, трупяк теперь.

– А кто вызвал скорую? – Николаич деловито осматривал место происшествия.

– Не знаю, голос был мужской, а приходила, вроде, девушка, в каких-то грязных лохмотьях.

– Какая девушка?

– Все, нам пора. Сами разбирайтесь. Пришла, сказала, что живет здесь, зашла на кухню и ушла.

Потапенко вошел в кухню. Клок ободранных обоев над телефоном сразу бросался в глаза.

– Ты думаешь – это она?

– А ты думаешь, что она тут делала? – Потапенко дотронулся до оборванного уголка.

Приподняв клочок обоев, он примерил его на место.

– Тут были телефоны. Не иначе. Ты нашел что-нибудь?

– Нет, ничего. Все чисто. Нет даже квитанций за квартиру. Вообще никаких документов, телефонов, ничего.

– Ну это ерунда. Есть же еще соседи.

– Ахмед! Быстро теперь к нему!

– Позвони лучше – пусть к нему участковый заглянет. Я думаю – там тоже уже пусто.

Глава 9

– Алло, Аркадий Вениаминович, пап, звонок за твой счет, – я попыталась рассмеяться. В голове моя попытка гулко отразилась болью.

– Марин, хватит шутить, я же просил тебя не звонить сюда. Откуда ты? – его раздраженный голос прозвучал резко и громко. Но он смог сдержаться и тут же перешел на шепот.

– Почему ты спрашиваешь? Хотя... ты верно догадался... Пап, мне жить негде, – я постаралась сообщить это как можно радостнее.

– Ну что опять не так?

– Пап, паспорт я тоже потеряла. И денег нет.

– А что ты хочешь от меня?

– Пусти меня пожить. Мне некуда без паспорта идти.

– Езжай домой, – он явно не горел желанием приютить меня. – Ты же понимаешь, что ко мне нельзя. Не маленькая уже.

– Я не могу, пап, ну пусти меня пожить. Скажи, что дочка друзей... а?

Когда я появилась в Москве и позвонила ему, он сразу же признал меня. Даже не стал делать никаких экспертиз. Это не было для меня удивительным: сначала я пошла к его родителям и милым голосом назвала их бабушкой и дедушкой. Дед рассматривал меня минуты три.

– Да, вылитый Аркаша. Не переживай, всякое в жизни бывает, – похлопал он меня по руке.

Это было странное признание. Все всегда говорили, что я, как две капли воды, похожа на мать. А тут вдруг такое.

Дед был уже давно не у дел. Когда-то он был главным инженером какого-то завода. Бабка недоброжелательно косилась на меня, видимо злясь на собственного сына, поставившего их в такое дурацкое положение. Мне было выгодно так думать, потому что вряд ли я им за несколько минут моего присутствия сделала что-то плохое. Современная квартира была обставлена старомодной мебелью, накрытой белыми чехлами. Марлевые занавески завершали этот невероятный дизайн. Впрочем, все это могло сойти за средиземноморский стиль, мысленно хихикнула я тогда.

Бабуля угостила меня чаем с конфетой и вышла вместе со мной на улицу. В автобусе она купила мне билет. Это была моя единственная встреча с бабушкой и дедушкой. Они, правда, дали мне номер телефона отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.